

Марьяна Сурикова

Просто позови.
Академия жизни

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Как чувствует себя королева, которую свергли с престола? Да точно так же, как теперь чувствую себя я. И пусть королевство это умещалось в стенах одной самой лучшей академии, а моими подданными были ее ученики, но именно я правила этим маленьким миром и именно меня ожидала свадьба с самым потрясающим мужчиной на свете. А потом... потом я встала на пути того, кто не достоин целовать землю у моих ног, и пусть это вышло случайно, но именно эта случайность сломала мой мир.

Марьяна Сурикова

Просто позови. Академия жизни

Глава 1

Я — аристократка

Я шла по коридору, а все расступались передо мной. Краем глаза замечала робкие или заискивающие улыбки. Иногда выделяла в толпе чей-то хищный взгляд и гордо поднимала голову выше — мечтать о недостижимом не воспрещается, любуйтесь, восхищайтесь, а я дарю свою благосклонность лишь избранным.

Иду дальше, все ускоряя шаг, и там, в конце коридора, — он, мой желанный мужчина, мой жених, самый родовитый аристократ в нашем королевстве. Он протягивает ко мне руки, а я тянусь навстречу, но понимаю вдруг: что-то неправильно. А что Эльмарин делает здесь, в коридоре моей академии? Я останавливаюсь, прикладываю руку ко лбу, и картинка начинает расплываться перед глазами...

Резко сев в постели, с тягостным чувством оглядываюсь вокруг. О нет! Это был всего лишь сон, такой сладкий сон из моей прошлой жизни. Вновь вокруг темнота противного узкого чулана, а над головой раздается скрип старой лестницы каждый раз, когда кто-то крадучись шагает по ней, пытаюсь вернуться в комнату после наступления ночного часа. Поймает их староста факультета — и не поздоровится смельчакам. Я вновь прижала пальцы ко лбу, пытаюсь унять резкую боль и вспоминая обо всем, что случилось со мной.

Наше королевство Амадин считалось не таким уж большим в пределах огромной страны Эстотьерии, являющейся Союзом объединенных королевств. Здесь, как и во всем государстве, царило вечное лето, оттого большинство жителей не бедствовали, а богачей было столько, сколько в иных королевствах насчитывается бедняков.

Пожалуй, только одна проблема мешала абсолютному процветанию нашего стабильного мира — вечная война между аристократами и плебеями (хотя они предпочитали называть себя виерами). Пусть столкновения с оружием в руках уже давно ушли в прошлое, но враждовали мы по-прежнему. Стоило аристократу встретиться с виером где-нибудь в узком переулке, неизменно вспыхивала ссора, которая нередко приводила к магическому поединку. Очень печально, что этот поединок мог закончиться в пользу плебея с той же долей вероятности, что и в пользу элита (так уничижительно обласкали нас простые людишки).

На свое счастье, я родилась в одной из самых родовитых семей королевства. У меня с самого раннего детства было все, о чем только может мечтать человек. «Аристократы — это верхушка общества» — так всегда говорил мой отец. «Ты должна гордиться своей родословной, дорогая, именно она — твое главное достоинство и билет в счастливую жизнь» — эту фразу день за днем я слышала от матери.

Когда я достаточно подросла, чтобы мыслить осознанно, то убедилась в правоте слов родителей. Будучи дочерью одного из древнейших родов Лавальеро, я получала все привилегии, положенные высокородной состоятельной аристократке, была желанной гостьей в каждом богатом доме, на меня взирали с восхищением, а в пятнадцать лет состоялось самое значимое событие в жизни — родители заключили мою помолвку с главой рода Остеус.

Эльмарин Остеус — самый видный холостяк в королевстве, на которого претендовала каждая третья незамужняя аристократка Амадина. Красивый, знатный и сильный маг — он стал моей мечтой, воплотившейся в реальность. Именно в тот знаменательный день на

первом балу, посвященном моему пятинадцатилетию, я встретила этого потрясающе красивого мужчину с волосами цвета ночи, мускулистой и гибкой фигурой и повергающим в трепет взглядом темно-карих глаз. Его обаяние и манеры вскружили мне голову, от изящных комплиментов и тонких намеков хотелось петь и смеяться.

Когда он пригласил меня на танец и я вложила свою ладошку в его сильную руку, сердце вдруг замерло в груди, а затем забилось с удвоенной силой. Ближе к концу вечера мужчина вывел меня на балкон под звездное небо, подарил самый первый в жизни поцелуй и разрешил называть себя Эрин.

— Мой Эрин, — простонала я вслух, вновь утыкаясь в подушку. Она единственная видела слезы униженной аристократки, именно она помогала мне, заглушая горькие рыдания, именно она разделяла мою боль.

Два года длилась помолвка, а потом я поступила в академию. Здесь я должна была проходить обучение, пока не истекут положенные три года, а в двадцать лет мы с Эрином планировали сыграть свадьбу. Я бы получила диплом академии и овладела всеми необходимыми знаниями и навыками, которыми положено обладать жене такого видного политического деятеля, каким был мой будущий супруг. Совсем немного времени не хватило мне до исполнения заветной мечты.

Полтора года и четыре месяца назад

— Милая, этот день станет одним из самых торжественных событий в твоей жизни. Покажи себя достойно, дай понять остальным, насколько высокое положение ты занимаешь. Не груби, всегда будь вежлива, но не стоит снисходить до тех, кто ниже тебя по статусу.

— Я сделаю так, как ты велишь, Эстер.

Моя мама, Эстер Лавальеро, была истинной аристократкой, каждое движение которой дышало чувством собственного достоинства и гордостью за именитых предков, чья родословная насчитывала несколько веков. Она не была красавицей, но природная утонченность скрадывала общее впечатление от не слишком правильных и гармоничных черт породистого лица. Истинным богатством Эстер были ее роскошные волосы, вызывавшие зависть у многих красавиц-аристократок. Такие же чудесные тугие кудри цвета золотистого меда достались и мне.

Я несказанно гордилась столь щедрым подарком судьбы и ухаживала за непослушными локонами ежедневно и очень тщательно. Перед сном служанка проводила щеткой по моим волосам не менее ста раз, пока они не укрывали фигуру тяжелым блестящим покрывалом.

Я слышала однажды, как наш дальний родственник, приехавший погостить на пару недель, шептался в углу с одной из кузин-приживалок. Он заявил тогда, будто отец взял мать в жены лишь из-за ее волос, потому как больше смотреть было не на что. Мелкий человечиска, недостойный состоять в родстве со столь могущественной и знатной семьей, как наша! Он вылетел из дома в тот же день, и двери особняка Лавальеро были с тех пор навсегда закрыты для него и той обедневшей кузины.

Впрочем, браки среди аристократов заключались испокон веков, и, возможно, наследственность играла свою роль, оттого редко у кого рождались по-настоящему красивые дети. В нашей семье вся красота досталась моему отцу, галантному, сильному и уверенному в себе мужчине. Я безмерно уважала его и гордилась честью быть дочерью человека, вызывающего у всех невероятное восхищение. Красивее моего отца был только Эльмарин Остеус.

Я не жалела, что привлекательность Роланда Лавальеро не перешла ко мне, смягчившись в девичьих чертах и исполнившись особого очарования юности, и была вполне довольна своей внешностью. Пусть рост достался невысокий, но я была стройной, а осанкой могла соперничать с самой наследной принцессой. И хотя черты лица не отличались приковывающей чужой взгляд прелестью, зато были правильными и в целом придавали облику приятную гармоничность.

Вновь взглянув в зеркало, поправила густые локоны, скрепленные на голове золотой короной с драгоценными камнями. Платье из блестящего голубого шелка сидело на фигуре без единой морщинки. Ни одна грубая складка не портила струящейся красоты легкой материи, обнимавшей тонкий девичий стан. Сегодня я поступаю в Академию аристократии — высшее и самое престижное учебное заведение королевства Амадин. На моем представлении ученикам и преподавателям будет присутствовать Эрин. Я немного прикрыла глаза, делая глубокий вдох и представляя, как загорятся восхищением его глаза, когда я поднимусь на пьедестал и произнесу приветственную речь.

Экипаж плавно подкатил к широкому крыльцу, облицованному серым камнем. Слуга спрыгнул с запяток и отворил дверь, помогая мне выйти из кареты. Я ступила на бордовую дорожку, устлавшую ступеньки, и направилась к массивным дубовым дверям, обитым медными пластинами с красивыми узорами.

Я видела академию раньше, но прежде не входила под сень этого древнего здания, чей возраст насчитывал не одно тысячелетие. Пусть внешне я не проявляла никаких эмоций, но внутренне содрогнулась от величия старого замка. Он был огромный, а острые шпили круглых башен, казалось, пронзают само небо. Сложенный из серого камня снаружи, внутри он выглядел еще более мрачным. В просторном холле вдоль стен висели магические шары, но их свет не проникал в затененные углы, а окон было невероятно мало, настолько, что узкие отверстия больше напоминали древние бойницы, а не источник столь необходимого этому месту освещения. Черный каменный пол устилали бордовые ковры, они же покрывали широкую лестницу, которая вела вверх, разделяясь на два пролета от общей площадки.

Именно на этой площадке сейчас стоял высокий мужчина с длинными белыми волосами, один из сильнейших магов страны, невероятно старый, как мне казалось, ведь его возраст, по слухам, давно перевалил за четыре сотни лет. Внешне, впрочем, он выглядел лет на тридцать шесть (если судить с точки зрения обычных людей). «Наверное, он принимал участие еще в войнах с плебейями», — вдруг подумалось мне.

— Приветствую вас под сводами нашей академии, — раздался зычный, удивительно громкий голос ректора.

Мать и отец, ступавшие по обе стороны от меня, слегка склонили головы в ответ. Далеко не каждому поступающему выпадает подобная честь — получить приветствие от Зора Анделино лично. Мы поднялись по ступенькам и остановились напротив ректора.

— Как вас зовут, дитя?

— Виолетта Лавальеро.

Я присела в изысканном реверансе, а когда выпрямилась, заслужила одобрительный кивок от Эстер. Впрочем, и сама знала, что во всем, касающемся подобных церемоний, мне нет равных. Давно уже научилась идеально выверять все движения тела, в совершенстве контролировать мимику лица, чтобы на нем не отразилось ненужных эмоций. Если что и способно было выдать меня, то это выражение глаз, в которых вполне мог отразиться испуг, но ведь скрыть свои чувства — дело нехитрое, нужно лишь слегка опустить взгляд вниз,

демонстрируя уважение к стоящему напротив человеку.

Виолетта — это имя было единственной слабостью, которую за все время проявила мать в отношении собственной дочери. Однажды Эстер рассказала, как после моего рождения повитуха вручила ей на руки крошечный сверток с пищущим младенцем, тогда-то мать и обратила внимание на цвет глаз новорожденной. Сперва ей показалось, что они черные, но позже она рассмотрела, что глаза мои — темно-фиолетового оттенка. Этот редкий цвет достался мне в наследство от далекого предка, хотя от кого именно, родители не знали сами.

— Идем, Виолетта. Я провожу тебя в общий зал. Там сейчас собрались все преподаватели и студенты. Тебе выпала честь произнести приветственную речь перед новым потоком учеников.

Я вновь склонила голову и последовала за ректором вверх по ступенькам. Бесспорно, это не только честь, но и знак отличия. Всем студентам сразу станет ясно, что я не обычная ученица. Общий набор в академию проводился раз в три года, и далеко не каждый мог поступить сюда, а если поступивший еще и выступал перед всеми, то любой дурак мог догадаться о его высоком статусе.

Мы зашли в зал, превосходивший своими размерами даже нижний холл. Окон здесь было больше, и они казались намного шире, но опущенные бордовые шторы скрывали солнечный свет, погружая помещение в таинственный полумрак. Слишком высокий свод терялся в темноте, а огромные колонны создавали впечатление чего-то векового, незыблемого, но вместе с тем довольно мрачного. Голубоватый мерцающий свет магических шаров, зависающих над головами присутствующих, добавлял собранию налет торжественности.

В центре зала находилось возвышение, которое я про себя назвала пьедесталом. Вокруг него стояли резные деревянные стулья. По бокам расположились преподаватели, а дальше полукругом сидели студенты. Рассадка осуществлялась по статусу обучающихся. Те, кто занимал высокое положение в обществе, сидели ближе. В самом конце зала расположилась соответственно мелкая аристократия.

Когда мои родители заняли свои места напротив пьедестала, я уверенно взойшла по ступенькам и начала с приветствия к преподавателям, заверив их от лица всего потока, что мы осознаем, какая это честь — быть принятыми в столь замечательное место и насколько мы ценим возможность обучаться под руководством таких изумительных мастеров. Пока произносились выученные наизусть слова, я воспользовалась возможностью окинуть взглядом присутствующих, едва сдержав нежную улыбку, когда заметила рядом с ректором Эрина, а заодно оценить их реакцию на мои слова. Она была, как и следовало ожидать, весьма положительная. Конец речи должен был явиться кульминацией, а потому я выдержала небольшую паузу, прежде чем продолжить.

— Через два года состоится состязание между двумя школами. К большому сожалению, на прошлом соревновании Академия виеров, которая не достойна даже носить столь высокое звание, одержала победу. В этот раз мы должны напомнить о себе. Я знаю, что каждый новый поток выбирает себе старосту, и хотела выдвинуть собственную кандидатуру.

Я говорю об этом именно здесь, а не на обычном собрании учащихся потому, что давно задалась целью поступить в Академию аристократии и сделать все, дабы прославить ее звание самой лучшей академии в королевстве. Жаль, что звание это столь зависит от внешних факторов, а в частности, от пресловутого соревнования между двумя самыми

известными высшими школами королевства.

Пусть виеры уступают нам очень во многом, но они сильные маги и умудрились победить два года назад. Взяв на себя обязанности старосты, я, с позволения и одобрения наших преподавателей, постараюсь согласовать учебу своих подопечных таким образом, чтобы за два года выделить самых талантливых и помочь им подготовиться к состязанию.

Последние слова сопровождались одобрительными возгласами. Я обвела победным взглядом обращенные ко мне лица — вот нисколько не сомневалась, что эту идею поддержат! Уж слишком сильно было унижение, испытанное от проигрыша виерской академии магии. Проклятые простолюдины! Я уже набрала в грудь побольше воздуха и хотела продолжить, как внезапно раздался чей-то голос:

— А вы уверены, что справитесь со столь высокой задачей?

Я перевела взгляд на пожилого преподавателя, сидящего по правую сторону от возвышения. Мужчина носил до неприличия короткие волосы, кончики которых едва прикрывали уши. Седина посеребрила его голову, но в целом учитель отличался крепким телосложением, хотя и горбился по-стариковски.

Единственное, что привлекало внимание в его непримечательном облике, были глаза глубокого темно-зеленого оттенка. Он смотрел то ли со злостью, то ли с презрением, даже понять было сложно. Вот именно в тот момент я осознала, что не со всеми в академии у меня сложатся хорошие отношения, а в частности, с этим странным незнакомцем, который явно меня невзлюбил. Кто он такой? Какой предмет ведет? С чего посмел сомневаться во мне, Виолетте Лавальеро?!

Сохраняя на лице вежливую улыбку, я холодно произнесла:

— Я никогда не бросаю слов на ветер.

Глава 2

Лучшая академия в королевстве

Завершив свое выступление, я спустилась вниз и заняла место рядом с родителями. На возвышение поднялся ректор, а я поймала одобряющий взгляд Эрина и слегка улыбнулась жениху.

Речь главы академии была недолгой, он призвал всех усердно учиться, проявлять уважение к своим наставникам и не позорить собственного имени поведением, недостойным аристократов. Моя кандидатура как старосты была одобрена, теперь именно я отвечала за весь поток вновь набранных студентов. Там же в зале нам определили куратора, именно к этому человеку в дальнейшем мне следовало обращаться со всеми вопросами относительно учебы и поведения студентов.

Когда ректор завершил свою речь, он попросил будущего куратора представиться лично. Я подняла глаза и даже сумела сохранить на лице невозмутимое выражение, когда со стула поднялся тот самый старик, усомнившийся во мне. По словам Зора Анделино, он был одним из самых опытных и сильных магов, и нам всем крупно повезло попасть под его начало.

Все церемонии закончились через полчаса. Теперь мне предстояло проследить за расселением студентов, прибывших издалека, а после можно было вернуться домой. Жить в общежитии при академии я не собиралась. Сюда нельзя было брать служанок, и никто не помогал бы мне одеваться или мыть мои прекрасные волосы. К тому же я полагала, что в академской столовой кормили совершенно отвратительно.

Для меня любое превышение нормы являлось отвратительным. Дома повариха всегда готовила те блюда, что заказывала я. А поскольку я всегда тщательно следила за своей внешностью, то и излишков в еде себе не позволяла. Только простолюдинки могут обедать в тех же столовых и впихивать в себя огромное количество мучного и сладкого. Думаю, их зубы наверняка очень быстро портятся по этой причине, а кожа на лице покрывается прыщами. Я даже уверена, что в виерской академии полным-полно подобных уродин.

Вернувшись домой, я прошла в свою комнату и приказала привести портниху. Необходимо было обновить гардероб. В академии преобладали серые и черные тона, а сам герб представлял собой огненную птицу на красном фоне. Этот древний символ являлся семейным гербом славного древнего рода Аспарентус, именно Элинио Аспарентус был основателем нашего учебного заведения.

Многим студентам выдавали положенную форму — длинные черные мантии с красной подкладкой и вышитой на правой стороне символикой в виде парящей золотой птицы. Насколько я могла судить о ткани, она была пусть и качественная, но недостаточно дорогая. Я собиралась заказать себе несколько накидок из шелка и парчи для торжественных выходов, а на более холодные дни — из шерсти викуны с оторочкой из меха самого дорогого животного в королевстве — серебристого левконуса. Этот мелкий зверек водился только высоко в горах и был невероятно шустрым, немногие охотники отваживались подняться так высоко, чтобы его поймать. Однако и стоимость меха одного зверька оценивалась исключительно в золотых дисках, притом что на один диск вполне можно было скромно прожить целый месяц.

Мне также могли понадобиться разнообразные платья, в которых я буду посещать лекции, и наряды для торжественных мероприятий. С выбором цвета ткани придется помучиться. Мне не нужны кричащие цвета, но и унылых тонов я не переношу. Придется пересмотреть множество отрезков, чтобы выбрать именно те оттенки, которые подчеркнут белый цвет моей кожи, придадут глазам большую глубину и оттенят мои золотые волосы.

С портнихой мы провозились до самого вечера, поэтому спать довелось лечь позднее, чем привыкла. Я не терпела нарушений режима, но ради красоты пришлось пойти на определенные жертвы. Несмотря на это, утром поднялась, едва рассвело. Это был обычный час для подъема, я не признавала привычек своих сверстниц вставать в обед. Слишком многое приходилось успеть сделать за день.

Утром, как обычно, приняла холодную ванну, затем потратила час на верховую езду по городскому парку, в котором мне не встретился ни один наездник, по возвращении позавтракала специально испеченными для меня булочками с пророщенной пшеницей и выпила стакан свежесжатого сока.

После завтрака я собиралась отправиться в академию, чтобы взять у куратора листы с расписанием занятий, а также перечень с именами студентов. Для этого пришлось пожертвовать уроками плавания в специально выстроенной для меня купальне, а массаж тела перенести на послеобеденное время. Занятия музыкой, впрочем, должны были состояться в привычный час (я полагала, что не задержусь в академии).

Когда я вышла из дома, меня ждал очень приятный сюрприз. У крыльца остановилась новенькая черно-золотая карета, в которую были впряжены две лошади белоснежной масти. У кареты стоял довольный отец.

— Виолетта, посмотри, какой подарок я приготовил в честь твоего поступления в академию.

Я знала, что папа мечтал об этом поступлении едва ли не с самого моего рождения. Ему не повезло иметь сына, и оттого он столь много времени уделял подготовке дочери, ожидая, что именно я собственными успехами в учебе и удачным замужеством сумею поддержать и укрепить славу нашего рода. Отец нанимал учителей, которые обучали меня языкам соседних королевств, истории, основам магического анализа и формулам, технике магических ударов и многому другому, более необходимому мужчине, чем женщине. Каждое воскресенье мы с Роландом Лавальеро упражнялись в фехтовании, и иногда я удостаивалась сдержанной похвалы за особенно удачный выпад.

Теперь, когда мечта отца воплотилась в реальность, а я к тому же приняла на себя обязанности старосты всего потока, Роланд подарил мне собственную карету и лошадей. Это был по-королевски щедрый дар. Мой новый экипаж был изготовлен не из металла или дерева, а из особенного безумно дорогого материала, легкого, но невероятно прочного. Он доставлялся на заказ из одного далекого королевства не менее двух месяцев. Представляю, что станется с остальными студентами, когда они увидят, как я подъезжаю к академии в этой роскошной карете.

— Нравится? — спросил отец.

— Роланд, у меня нет слов! Благодарю за подарок.

— Ты его заслужила. Главное, води себя достойно, не опозорь честь семьи. Я верю, что ты сможешь справиться с поставленной задачей, и на следующем соревновании наша академия одержит верх над этими плебеями. После все станут говорить, что победа — твоя заслуга.

Еще раз выразив отцу горячую благодарность, села в свою прекрасную удобную карету и отправилась в академию. Я, бесспорно, осознавала, как должна быть счастлива обучаться здесь, но все же само здание было слишком мрачным — эти своды, казалось, давили своей тяжестью.

Стараясь не обращать внимания на непрошенные мысли, я решила сперва поприветствовать ректора.

Зор Анделино галантно поцеловал мне руку, а затем попросил секретаря препроводить очаровательную Виолетту Лавальеро в кабинет куратора. Супротив всех ожиданий, Амир Вальенте встретил меня не учтивым кивком, а холодным прищуром. Единственное, что он соизволил сделать, так это слегка кивнуть в ответ на мое приветствие, а после придвинул к краю стола пачку бумаг и произнес:

— Здесь все необходимое. Дальше разберетесь сами. Занятия начнутся в понедельник в девять утра. Доведите до сведения остальных студентов, что в половине девятого будет проведен общий сбор и произнесена напутственная речь. А теперь можете идти.

Меня невероятно возмутило подобное обращение. Разве я исполняю роль его служанки? Как куратор он обязан считаться со мной, а как аристократ — проявлять уважение к древности моего рода.

— Куратор Вальенте...

— Да?

— Кажется, мое присутствие вызывает в вас отрицательные эмоции. Я чем-то вызвала ваше неудовольствие?

— Дорогая Виолетта...

Я едва не поморщилась от подобной фамильярности. Старичок же поднялся из кресла, распрямил плечи и оказался выше меня на голову. Несмотря на почтенный возраст, преподавателя точно нельзя было назвать хилым, а учитывая его магическую силу и опыт, лучше было не нарываться на неприятности, однако терпеть подобное отношение я не собиралась.

— Я не люблю тех, кто, не успев показать себя с лучшей стороны, заявляет о собственной значимости. Мне еще не за что вас уважать. Я привык судить о людях по их поступкам, а не по знатности рода. А таких, как вы, лощенных аристократов, которые не обладают сколь-нибудь выдающимися достоинствами, но многое о себе мнят, я встречаю на своем пути с завидной регулярностью. Если вас что-то не устраивает, обратитесь к ректору, чтобы вам поменяли куратора.

Я даже покраснела от злости, но нашла в себе силы ответить с достоинством. Ничего, стерплю в этот раз, но еще доведу тебя, противный старикан, сам попросишь ректора об увольнении.

— Вы ошибаетесь, куратор Вальенте. Полагаю, что еще смогу вас приятно удивить.

— Будем надеяться.

Занятия начались в понедельник. На общем сборе потока куратор сказал о разделении нас на шесть групп, каждая из которых будет заниматься в определенной аудитории. Я полагала, что, имея за плечами годы подготовки к обучению в академии, без труда справлюсь с занятиями и буду выполнять задания на высшем уровне. Однако здесь ожидал неприятный сюрприз — куратор Вальенте очень сильно невзлюбил меня и делал все возможное, чтобы отравить золотые дни моего пребывания в самом чудесном учебном заведении.

Кроме старика у меня не было явных недоброжелателей. Напротив, везде я встречала почитание, уважение или искреннее восхищение. Статус старосты давал мне право принимать важные решения относительно проживания и учебы студентов. Именно поэтому многие из них пытались подольститься ко мне, дабы выпросить лишней выходной или право на дополнительное занятие по предметам их неуспеваемости. Многие полагали, что я могу оказать влияние на преподавателей, чтобы те подкорректировали оценки. Сами учителя считали меня фавориткой ректора, а также преклонялись перед моим общественным положением.

Многим стало известно о помолвке с родом Остеус, и это также играло мне на руку. Только противный старикан продолжал язвить, делать обидные замечания или во всеуслышание указывать мне на ошибки в ходе выполнения заданий. Стерпев несколько подобных издевок, я задумала отомстить зловредному куратору.

Для теоретических занятий всем нашим шести группам были отведены специальные аудитории на втором этаже, на третьем располагались просторные комнаты, напоминавшие музыкальные гостиные с зеркалами во всю стену и разнообразными музыкальными инструментами. Каждой группе отводился свой зал для занятий музыкой, стихосложением, танцами. Боевая магия изучалась только в закрытых подвальных помещениях, напоминавших древние катакомбы. Говорят, в таких в свое время прятались маги из числа восставших плебеев.

Подземные залы были защищены всевозможными заклинаниями высшего уровня. Каждый из нас, отрабатывая определенные удары, должен был создавать вокруг себя защитную сферу, не позволявшую остаточным магическим зарядам попасть в случайных свидетелей. Держать сферу самостоятельно мы пока не научились, соответственно ее должен был генерировать вокруг студентов преподаватель. Именно этим я и собиралась воспользоваться, планируя месть куратору Вальенте.

В самый первый день занятий нас привели в огромный зал на первом этаже, в котором на многочисленных полках лежал различный магический инвентарь. Преподаватель Демиус Ритьери приказал каждому ученику сделать выбор в пользу одной вещи.

— Вы видите перед собой так называемое магическое оружие — эсканилоры. Многие из вас знают, что при поединке каждый аристократ направляет свой магический заряд в конкретное орудие для ведения боя. Большей популярностью среди мужчин пользуются трости вроде этой.

Голубоглазый блондин-преподаватель прошел к одной из полок и снял с нее изящную резную трость. Я же негромко кашлянула, призывая к порядку пару студенток, которые смотрели на привлекательного мага влюбленными глазами и уже склонились друг к дружке, чтобы пошептаться о предмете своих воздыханий. Поймав мой строгий взгляд, обе мгновенно опустили глаза вниз, а потом не поднимали их выше трости в руках Демиуса.

В тот день я выбрала для себя изящную подвеску в виде огненной птицы на цепочке с крупными золотыми звеньями. Крепление подвески было устроено таким образом, чтобы в подходящий момент легко было сорвать птицу, а после прикрепить обратно.

Бесспорно, в более громоздкие предметы легче направлять энергию, и большинство студентов выбирали именно такие. Многие последовали примеру Демиуса и взяли трости, пара человек обзавелась длинными посохами, две воздыхательницы преподавателя вместо тросточек выбрали более приличествующие леди изящные зонтики, а подобную моей мелкую вещицу не осмелился взять никто. Хотя здесь нечему удивляться, и пускай

остальные идут по легкому пути, а я посредством усиленных тренировок овладею способностью управлять подвеской и превращу ее в послушный моей воле амулет.

Таким образом, на наших занятиях боевой магией мы пока обучались направлять энергию в эсканилор, а после пытались переправить удар противнику. Группу, в которую входила я, вел лично наш куратор, он же держал над учениками сферу во время тренировок.

Задумка с мекстью была очень проста — я собиралась незаметно под прикрытием магического поединка направить заряд не в противника, а в сферу за его спиной, а когда она лопнет, якобы не сдержав магического выброса, можно будет пожаловаться ректору на некомпетентность нашего преподавателя. Если ректор заподозрит, что в силу собственной забывчивости уважаемый Амир Вальенте не успел вспомнить и подобрать достаточно сильное заклинание и подверг опасности здоровье остальных учеников, это станет лучшей мекстью зазнавшемуся старикану. Списать все на его преклонный возраст — вот лучший вариант. Еще, пожалуй, стоит посочувствовать немного по поводу того, как старость меняет превосходных магов, которые ввиду слабой памяти не справляются с защитой подопечных.

Занятие началось как обычно. Мы спустились в подвалы и зашли в мрачный зал, вдоль стен которого висели магические шары, освещавшие темное сырое помещение. Куратор велел разбиться на пары. Студенты замерли, ожидая моих указаний, а я быстро прошла вдоль ряда учеников, каждому определяя партнера, затем пригласила в пару Грина Тинкерелло. Он хорошо проявил себя с первых занятий, у него был сильный удар и неплохой магический потенциал. Если биться со слабым, то потом никто не поверит, что сфера не выдержала. Остаточный заряд должен быть достаточно мощным.

Мы отошли к стульям возле стены и расположились на них, наблюдая за поединком первой пары. Грин выглядел скованным и бросал на меня редкие настороженные взгляды. «До сих пор не верит собственному счастью стать моим партнером», — подумалось мне. Я подарила молодому человеку одобрительный кивок, поправила волосы и перевела взгляд в центр зала.

Две студентки замерли напротив друг друга, и вокруг них возникло слабое серебристое свечение. Девушки вытащили свои эсканилоры. Одна из противниц закрыла глаза, пытаясь сконцентрировать силу и переправить ее в зажатый в левой руке тонкий серебряный жезл, вторая в этот миг активно помахивала зонтиком, очевидно стремясь достичь наибольшей концентрации. Их приготовления вызвали на губах презрительную усмешку, а окрик Амира полностью соответствовал моим мыслям:

— Глаза не закрывать, эсканилорами не размахивать! Наблюдайте за противником, чтобы не пропустить неожиданный удар. Призовите силу, ощутите, как энергия циркулирует по вашим венам. Сделайте глубокий вдох, а на выдохе почувствуйте, как в груди разрастается тепло, — это и есть ваша магическая сила, просто прикажите ей перетечь в ладонь, а из нее в эсканилор. Направьте энергию в предмет!

Девушки старательно задышали, пошире раскрыв глаза и с усилием сжав в ладонях эсканилоры. Среди студентов раздались сдержанные смешки, а преподаватель строго глянул в нашу сторону и конечно же не удержался от замечания:

— Староста Лавальеро, вы в состоянии контролировать вашу группу? Отчего я слышу смех в рядах студентов? Вы не в курсе, что это отвлекает? А может, остальные ученики уже достигли необходимого уровня мастерства? Следите за порядком! Если кто-то будет мешать девушкам концентрироваться, отправится в коридор.

Я только крепче сжала ладони, сдерживая собственную злость на куратора. Ну погоди,

немного осталось!

Попытки первой пары провести поединок оказались весьма жалкими. Заряды, посланные в эсканилоры, были настолько слабыми, что, столкнувшись в центре сферы, рассыпались даже не разноцветными искрами, а разлетелись в стороны переливчатыми мыльными пузырями. Я вновь поправила волосы, распрямила плечи, приготовившись к выходу в центр зала, но, как только стала подниматься со стула, противный Амир пригласил другую пару, а я лишь скрипнула зубами от злости. Он намеренно выставляет меня в дурацком свете, и это ему с рук не сойдет!

Я с трудом удерживала на лице бесстрастное выражение, следя за упражнениями студентов и опасаясь лишний раз взглянуть в сторону куратора, иначе он мог прочесть в моих глазах собственный приговор. Только в самом конце занятия старик разрешил нам с Грином сойтись в поединке. Повинуясь кивку Амира, мы прошли в центр зала. Я остановилась ровно в середине начертанного круга, а парень сделал еще пару шагов и неуклюже споткнулся о собственный посох, едва не растянувшись на полу. Противный преподаватель никак не прокомментировал эту оплошность, хотя, будь я на месте Грина, уже бы наслушалась насмешек.

Концентрировать энергию в эсканилоре я научилась хорошо, примерно так же, как и направлять ее в нужную точку. Сперва стоило провести несколько выпадов, а удар в саму сферу направить, когда из-за разноцветных вспышек никто не сможет уследить за потоком энергии. Зажав птицу в ладони, я слегка отвела руку и направила первый энергетический выброс в правое плечо Грина. Парень махнул посохом и поймал молнию вспыхнувшим зеленым светом набалдашником. Заряд рассеялся, как и положено, а поверхность сферы пошла радужными волнами.

Бой продолжился. Я радовалась в душе, что выбрала столь достойного противника. Небольшое сожаление вызывало лишь то, что Грин практически не атаковал, а только отражал мои заряды, и в следующий миг я нарочно опустила эсканилор, призывая парня к ответному выпаду. Студент даже побледнел и беспомощно оглянулся на преподавателя, а тот лишь махнул рукой, разрешая применить ответный удар. Грин крепче сжал руками посох и поднял его повыше. Набалдашник стал переливаться всеми цветами радуги, с него сорвался голубой шар и плавно полетел в мою сторону, что вызвало на губах Вальенте презрительную усмешку, а его голос в который уже раз озвучил мои мысли:

— Что за глупость, Тинкерелло? Вы бьетесь с противником или производите на девушку впечатление собственным умением запускать разноцветные шары?

Парень стал пунцовым, залившись краской до кончиков ушей, а потом резко выбросил вперед руку с посохом, и я отразила серебристую спираль, рассеяв ее ответным зарядом. С этого момента бой пошел в нужном мне темпе, заряды летели один в другой, а сфера мерцала.

Я вся подобралась, когда наступил определенный момент, сконцентрировалась для удара и изящно отклонилась в сторону, принимая краем эсканилора тонкий золотой луч. В блеске рассыпавшихся искр, помутнивших прозрачную сферу, я очень быстро сделала ответный выпад. Грин даже не успел отреагировать на молниеносный удар, вспыхнувший лиловым зигзагом над его плечом, и тот пришелся точно в сферу. Я крепче сжала пальцами птицу, защита вокруг нас окрасилась в лиловый оттенок, а в зале послышались взволнованные голоса. Сфера все разрасталась, и я уже предвкушала увидеть испуг на лице куратора, когда шар лопнет и лиловые молнии понесутся по залу, а Амиру придется блокировать их все

разом, чтобы защитить студентов. Я нисколько не сомневалась, что старик справится с этим, но ведь цель уже будет достигнута.

В этот самый миг раздалось злое шипение, а потом лиловый шар лопнул с оглушительным хлопком, но вместо молний распавшаяся защита пролилась на мою голову лиловой дурно пахнущей жижей. Я замерла на месте, поймав пораженный взгляд бледного Грина, и посмотрела на безмолвных шокированных студентов, которые даже не поняли, что произошло, а затем взглянула на своего теперь уже заклятого врага. Как он это сделал? Как изменил заряд сферы? Как догадался о моем намерении? Мерзкий старикан невозмутимо опирался на трость, разглядывая мою лиловую голову.

— Занятие окончено. Вам, дорогая Виолетта, лучше принять душ. Боюсь, что магический способ очищения тела от этой субстанции не поможет убрать неприятный запах. Сделать это нужно побыстрее, если не хотите, чтобы цвет ваших волос в будущем соответствовал вашему имени.

Из-за мерзкого старика мне пришлось срочно бежать в жилое крыло академии и подниматься по ступенькам на четвертый этаж. Амир отпустил нас за пять минут до конца занятия, и только по этой причине на моем пути не встретилось ни одного студента.

Четвертый и пятый этажи были отведены под жилые комнаты девушек и юношей. В каждой комнате была ванная, а отдельные душевые находились в конце коридора. Я, как и большинство истинных аристократов, терпеть не могла общие купальни. Как можно мыться там, где до тебя принимали водные процедуры сотни других девушек?

С чувством величайшего омерзения я прошествовала к отдельной закрытой кабинке и только сейчас вспомнила, что не имею ни сменной одежды, ни полотенца, ни мыла. А еще, кажется, настал тот самый момент, когда я готова была придушить куратора Вальенте собственными руками, а потом с огромным удовольствием отпинать его холодный труп. Внезапно за дверью раздался звук чьих-то стремительных шагов, и в душевую ворвались три девушки из моей группы.

— Виолетта, мы принесли тебе вещи.

Запыхавшиеся одноклассницы держали в руках большое синее полотенце, запакованный в блестящую бумагу кусочек мыла, а также форменную мантию и длинное зеленое платье.

— Предлагаете мне воспользоваться чужими вещами?

Я презрительно оглядела их подарки, а девушки сконфуженно опустили руки, и одна из них, Селена Винберг, смущенно произнесла:

— Все вещи новые. Это платье мне прислали из дома, и я его ни разу не надевала, а мыло, полотенце и мантию выдают здесь по паре. Никто не использовал эти вещи до тебя.

Скривившись, я протянула руку и приняла их подарки, поскольку выбора не оставалось. Если верить Амиру, краска и запах могли намертво впитаться в кожу, если я буду ждать еще дольше.

— Хорошо. А теперь можете идти. — Я повернулась и шагнула в кабинку, закрывая дверь. Как теперь мне одной совладать с волосами? Служанка всегда сперва наносила на них специальный бальзам и расчесывала кудри, пока они не выпрямлялись. Только так можно было легко вымыть голову, а потом просушить волосы полотенцем, и лишь после нанесения очередной порции бальзама девушка произносила специальное заклинание, благодаря которому волосы высыхали. Уже спустя несколько минут они вновь завивались тугими золотыми кольцами, а служанка укладывала их в прическу.

У меня жес собой не было бальзама, а заклинание я никогда не учила. Как мне вообще

мыться? Не звать же в помощницы одну из одноклассниц. Не терплю рядом незнакомых девиц, которые будут помогать мне принимать душ. С горем пополам стянув грязную одежду, я бросила ее на пол и прошла за занавеску.

Когда включила воду, то из медной круглой лейки над головой полилась совсем тонкая холодная струйка, которая постепенно становилась теплее. Кое-как увеличив напор, я стала намыливать ладони. Уже спустя минут пять я проклинала все на свете, потому что оказалось невероятно трудно не только намылить волосы, но еще и отмыть их. Пальцы путались в кудрях, а противная лиловая жижа с огромным трудом отлипала от кожи. Минут через тридцать моих мучений я услышала робкий стук в дверь душевой кабинки, и голос той же Селены произнес:

— Виолетта, я могу помочь?

— Нет. — Единственное, что смогла ответить я, отплевываясь от лезущей в глаза и рот мыльной пены. Ну погоди, Амир, я еще найду способ отомстить тебе!

Когда я вышла наружу, натянув на себя платье вместе с мантией и кое-как замотав волосы полотенцем, лицо мое пылало от гнева. Одноклассницы ожидали меня за дверью.

— Мы боялись, что-то случилось.

— Почему вы не на занятиях?

— Следующим уроком теория боевой магии у куратора, а его вдруг срочно вызвали по неотложному делу. Он велел всем идти в библиотеку и дал задание, по какой главе подготовить конспект к завтрашнему занятию.

Я облегченно выдохнула и прошла к умывальнику с зеркалом. Хорошо, что не пропустила урок, иначе куратор снова стал бы цепляться и язвить. Когда размотала полотенце, то едва не застонала снова — волосы запутались окончательно. Девушки тут же подскочили ближе и наперебой принялись предлагать свою помощь. Я милостиво позволила Селене прошептать заклинание и подсушить волосы. Две остальные помощницы выбежали из душевой и вскоре вернулись с расческами. Очень осторожно, опасаясь слишком сильно дернуть за золотистую прядь, девушки начали расчесывать мои кудри и провозились с ними не менее сорока минут.

Пришла пора обеда, а они все пытались уложить мои волосы и оттого опоздали в столовую. Я никогда ее не посещала и питалась только тем, что готовили дома и привозили ровно к обеду. Когда наконец прическа была готова, я придиричиво оглядела себя в зеркало и вынуждена была признать, что выгляжу вполне сносно. Только после этого соизволила спуститься вниз. Карета ждала у входа, и с моего разрешения девушки забрали у слуги большую корзину с едой, а в благодарность за их помощь я позволила одноклассницам составить мне за обедом компанию. У нас оставалось около тридцати минут до начала послеобеденных занятий, поскольку еще не закончилось время, отведенное для отдыха студентов.

— Как потрясающе готовят у тебя дома! Что это за чудесное блюдо? — с набитым ртом вопрошала у меня толстуха Дениза.

— Все рецепты я придумываю лично. Это мясо с овощами на пару. Продукты в его составе подобраны таким образом, чтобы блюдо было не только вкусным, но и полезным. Я предпочитаю диетическую пищу с малым количеством соли, чтобы не портить фигуру.

— У тебя потрясающая фигура, такая стройная, — принялась отвешивать комплименты Жизель, — а кожа белая и нежная.

— Для ухода за кожей существует целый комплекс разнообразных процедур.

— Ты всегда все делаешь правильно, Виолетта. Я никогда не замечала за тобой каких-либо слабостей. Ты столь уравновешенна, даже голоса никогда не повысишь, — заметила Селена.

— Истинная аристократка должна в совершенстве владеть своими эмоциями.

— Но это ведь так скучно! — вдруг высказалась Дениза. — Намного интереснее уметь посмеяться над хорошей шуткой или поплакать над каким-нибудь трогательным событием.

Я только скривилась в ответ на ее слова, а девушка продолжала щебетать:

— И вся наша академия такая скучная и мрачная. Хоть бы бал какой устроили. Уже больше месяца как начались занятия и приняли новых студентов, а это событие никак не отмечалось. В Академии виеров уже провели бал в честь новичков, и такое у них каждый год.

— Неудивительно. Плебеев слишком много, вот они и проводят ежегодный набор, а в нашей академии набирают студентов только раз в три года.

— Тем более это событие стоит отметить.

— Ты предлагаешь нам брать пример с плебеев? — Я пристально взгляделась в лицо побледневшей Денизы.

— Зачем брать пример, — перевела внимание на себя Селена, — мы ведь можем сделать все намного лучше и роскошнее. Кто кроме тебя, Виолетта, мог бы справиться с подобным испытанием? Это своего рода вызов — провести роскошный бал, чтобы даже виеры обзавидовались.

Я поудобнее устроилась на покрывале, сдерживая желание опереться на дерево за спиной. Подобная расслабленная поза не пристала аристократке, спину необходимо всегда держать ровно. Переведя взгляд на зеленую крону над головой, я задумалась. Чтобы организовать по-настоящему потрясающий бал, мне понадобится не меньше месяца. С другой стороны, ректор не должен быть против, подобное мероприятие никак не отразится на престиже академии.

— Полагаю, сперва стоит обсудить этот вопрос с ректором и куратором, а потом я скажу вам окончательное решение.

— Как здорово! — Девушки так сильно обрадовались, что их оживление даже у меня вызвало улыбку, и ее удалось сдержать с большим трудом.

Глава 3

Хорошее воспитание

Вопреки ожиданиям Зор Анделино воспротивился идее организовать бал. Я зашла в огромный мрачный кабинет после уроков и обратилась к ректору с данным вопросом, заверив, что все хлопоты по организации беру на себя. К собственному неудовольствию, застала в кабинете куратора, который вальяжно расположился на диване, поигрывая своей неизменной тросточкой. Я бы предпочла обсуждать этот вопрос с Зором наедине, присутствие противного старикана, вечно норовящего ставить мне палки в колеса, было принято без малейшего энтузиазма.

— Тратить средства школы на какой-то там бал? — вопрошал ректор. — Зачем отвлекать студентов от учебного процесса? Сейчас половина девушек начнет обсуждать приготовления, и мыслям о занятиях в голове не останется места.

— Студенты полагают, что не мешало бы несколько разбавить атмосферу ежедневной учебы ярким событием.

— Сколько студентов высказалось за эту идею?

Я молча протянула список с именами и подписями. Зор взял его в руки и поморщился, когда свиток развернулся и край его коснулся пола. Пробежав глазами половину имен, ректор вернул список обратно.

— В расходы школы на этот год не включена статья «Организация бала», — отрезал Анделино.

— Магистр Анделино, — внезапно подал голос куратор, для пущей важности упомянув академическое звание ректора, — позвольте же детям повеселиться.

Я взглянула в сторону Амира, пытаюсь сдержать собственное удивление, а он вдруг слегка улыбнулся в ответ.

— Виолетта, поскольку вы все затеяли, то и займитесь сбором средств. Если вам это удастся, то бал состоится. А теперь ступайте, у нас с куратором неотложные вопросы.

Я повернулась к двери, а куратор вдруг окликнул:

— Погодите, Виолетта. — Он поднялся с дивана и подошел ко мне, протягивая небольшой серый мешочек, в котором позвякивали монеты. Судя по тяжести, это были настоящие золотые диски. На сей раз даже моего самообладания не хватило, чтобы сдержать удивление, но куратор уже отвернулся и прошествовал обратно к дивану, мне же оставалось только покинуть кабинет.

Чтобы вырученных средств хватило на организацию бала, пришлось задействовать связи моей семьи. Сперва я, как староста, обратилась к студентам из обеспеченных семей, и те внесли свой вклад в организацию кто деньгами, а кто и участием в самом процессе: некоторые студенты нашли хороших музыкантов, кто-то предоставил мне списки декораторов, остальные указали на подходящих учредителей и распорядителей, способных провести подобное мероприятие.

Мне теперь оставалось лично проинспектировать всех кандидатов и выбрать лучших. Предстояло побеспокоиться об угощении, подобрать музыку и танцы, купить необходимые украшения и многое другое. Поскольку денег было недостаточно, мне пришлось провести от имени семьи благотворительный вечер. Правда, на организацию бала я взяла только одну

треть собранных средств, остальные были отданы курируемому нашей семьей сиротскому приюту.

Спустя три недели подготовки я была совершенно измотана. Бал уже снился мне ночами, и на нем обязательно происходило какое-нибудь скверное событие, которое портило весь праздник.

За последнюю неделю предстояло подготовиться самой. Я обратилась к лучшей портнихе в городе, у которой и заказала платье. Та была просто невероятно взволнованна, и со стороны могло показаться, будто она не слишком довольна этим заказом, особенно после фразы: «Мисс Виолетта, это большая честь, но за такой короткий срок... может, выберете уже готовое платье, мы лишь подгоним по вашей фигуре. У нас есть совершенно потрясающие наряды, удивительные...»

— Нет, — отрезала я. — Я никогда не ношу готовых вещей, только те, что шьют на заказ. Я сама лучше знаю, какой фасон и цвет больше подходят именно мне. Вы поняли?

— Конечно, мисс Лавальеро. Мне придется привлечь к работе всех мастериц, чтобы уложиться в срок. Вы выбрали слишком сложный фасон, а еще вышивка и...

— Это не моя забота. Именно за работу я и плачу вам деньги. Через неделю все должно быть готово.

С этими словами я покинула салон и направилась в ювелирную мастерскую. Ожерелье, заказанное еще полгода назад, дожидалось меня в атласной коробочке с золотыми застежками. Ювелир должен был изготовить его по специальному эскизу. Я предполагала хранить это уникальное украшение, стоившее баснословных денег, и надеть только на особо торжественное мероприятие, а теперь рассудила, что на балу, подготовленном лично мной, следует появиться именно в этом ожерелье и никаком другом. Я обязана блистать и поразить присутствующих своим видом, дабы продемонстрировать всем, как должна выглядеть настоящая аристократка.

Мастер открыл коробочку и затаил дыхание, а я склонилась ниже, рассматривая лиловые камни, заключенные в мерцающий радужный металл. Такого украшения не было ни у кого в мире, даже у наследной принцессы! И дело здесь не в цене, а в совершенной уникальности ожерелья.

Никто раньше не догадался, что можно совместить амарил и радужный металл, а также не огранять камень, а просто слегка отшлифовать поверхность, не портя его природную структуру. Амарил, ограненный привычным методом, выглядел несколько не лучше остальных драгоценных камней, а вот внутри этих овальных лиловых капель можно было заметить совершенно особенные черные искры, которые отличали природный амарил. Только ему приписывали свойства наделять свою носительницу особой прелестью, делать ее еще красивее в глазах окружающих.

Само ожерелье по форме напоминало спираль. Оно располагалось на груди таким образом, что сверкающие капли не соприкасались и блеск каждого камня не затмевал другого, а скорее наоборот, дополнял, делая еще ярче и оттеняя нежность и гладкость кожи надевшей украшение дамы. А самая яркая капля помещалась как раз в ложбинке груди, приковывая внимание к изящному покрою скромного, но вместе с тем соблазнительного выреза.

К большому сожалению, отец не согласился заказать ожерелье, заявив, что оплатить подобную игрушку — это слишком дорогое удовольствие. И тогда я продала его подарок, ту самую замечательную карету, чем вызвала огромное неудовольствие Роланда и заслужила

массу поучительных наставлений от матери. Мне пеняли за сумасбродство, неразумную трату всех сбережений (накопленных мной из денег, выделяемых на ежедневные расходы), которые тоже пришлось добавить к уже имеющейся сумме. Впрочем, неудовольствие родителей не портило мне настроения и чудесного предвкушения того, как я сумею затмить всех на балу, а Эрин не сможет оторвать от меня восхищенных глаз.

Я с величайшей осторожностью взяла плоскую коробочку и положила ее в сумочку, крепко прижав ту к груди. Предстояло зайти в последний магазин и выбрать для себя белье, перчатки и чулки, и можно будет отправляться домой. Служанка покорно брела следом по улице, а пара лакеев несла мои покупки. Я как раз проходила мимо стеклянной витрины магазина женских шляпок, когда из двери этого заведения прямо на тротуар вытолкнули седоволосую женщину в лохмотьях.

— Убирайся, попрошайка! Не смей больше позорить мой магазин своим присутствием и кланчить деньги у посетителей! — С этими словами разъяренный хозяин захлопнул дверь, а я уже собиралась обойти распластавшуюся на тротуаре фигуру, когда женщина встала на корточки и подняла голову, столкнувшись со мной взглядом. Я резко остановилась, а попрошайка поднялась на дрожащие ноги и, натянув трясущимися руками шляпу на свои свисавшие грязными сосульками седые волосы, побрела вниз по улице.

— Стой! — крикнула я.

Женщина, будто не слыша, ускорила шаг, а я кивнула слуге, и тот, опустив на тротуар коробки, догнал и ухватил старуху за руку, а потом подтащил ко мне. Попрошайка принялась вырываться, но при этом не произносила ни слова.

— Малия? — спросила я, а женщина лишь опустила голову ниже и потерла лицо грязными ладонями. — Это ты, Малия, я узнала тебя.

— Мисс Виолетта, — раздался старческий шепот.

Малия — няня, которая воспитывала меня, пока мне не исполнилось пять лет. Это сейчас постаревшее и осунувшееся лицо слишком хорошо врезалось в память. В детстве у меня не было никого ближе этой женщины. Она единственная относилась ко мне с любовью и нежностью, потакала детским капризам, по-доброму журила за шалости, скрывала от родителей возмутительные проказы и позволяла мне плакать или веселиться, когда никто не наблюдал за нами. Мне в то время казалось, что Малия самая замечательная няня на свете. Кроме наших совместных увлекательных игр я обожала те истории, что она сама придумывала.

Я помню однажды, когда Малия, уложив меня в постель, сидела рядом и рассказывала потрясающую сказку о любви простого мужчины и женщины-аристократки, в комнату неожиданно и совершенно неслышно вошла мать. Нянюшка тогда резко замолчала, а потом вдруг пожелала мне спокойной ночи и ушла. На следующий день, когда я проснулась, женщина уже покинула наш дом. Я спрашивала у родителей, куда ушла няня, а они ответили, что она больше не будет у нас работать. Когда же я устроила истерику с требованием вернуть Малию обратно, отец заявил, что такое поведение не пристало дочери аристократа, а мать добавила, что Малия ушла потому, что я слишком капризная особа и веду себя неправильно.

Потом я еще долго вела себя очень тихо, бродила по дому как неприкаянная и не смела повышать голос. Родители даже вызвали врача, опасаясь, что дочь заболела. Доктор осмотрел меня и заявил, что ребенок абсолютно здоров, и тогда я решилась спросить у родителей, вернется ли Малия теперь, когда я веду себя очень хорошо и правильно. Мне ответили, что няня никогда не вернется и пора уже забыть о ней, а через пару дней отец нанял чопорную и

строгую гувернантку. Именно с тех пор я поняла, что необходимо всегда быть лучшей во всем и делать лишь то, что одобряют взрослые люди, ведь только так можно заслужить чью-то любовь и не потерять по-настоящему близкого человека.

Лишь спустя много лет я узнала, что родители просто выкинули Малию из дома безо всяких рекомендаций, уличив ее в том, что она вкладывает в голову ребенка совершенно запрещенные вещи.

— Отпустите, мисс Виолетта, пожалуйста, мне пора.

— Где ты живешь сейчас, Малия? Почему ты в таком виде?

— Все хорошо, мисс. Просто так получилось, что... бывает так в жизни, понимаете? —

Она замолчала, а потом тихо добавила: — Мне правда пора идти.

Женщина подняла голову и взглянула мне в глаза.

— Вы такая взрослая теперь, настоящая красавица.

Я отвернулась от нее и сделала слуге знак рукой. Тот достал из кармана сюртука кошелек, а Малия вдруг отшатнулась прочь.

— Я не возьму от вас денег, мисс Виолетта. Я не приму подачки от семьи Лавальеро. — И она вновь бросилась прочь, а я кинулась следом и догнала ее уже на углу улицы, ухватив за грязный рукав и развернув женщину к себе. По ее лицу текли слезы.

— Если не желаешь брать денег, то возьми вот это, — сказала я, вытаскивая из сумочки атласную коробочку, — эта вещь принадлежит мне лично, продашь и сможешь обеспечить свою старость.

Я впихнула в дрожащие старческие ладони коробочку, отвернулась и, не прощаясь, пошла прочь.

Родителей дома не оказалось, они отправились на очередной прием, и я воспользовалась их отсутствием, чтобы написать письмо ювелиру. Пройдя в комнату, быстро составила послание на специальной бумаге. Бумага была очень дорогая и продавалась только в нескольких магазинах города. Их хозяин нанимал лучших магов, которые и создавали для него эти тонкие листы с золотистыми краями. Стоило поджечь такой над пламенем особой свечи и прошептать имя человека, как лист переносился по адресу и возникал прямо перед адресатом.

Все люди в нашем королевстве обладали магией в той или иной степени. Каждый владел даром в определенной сфере, но не каждый мог раскрыть его и овладеть им в совершенстве. Были среди жителей Амадина и те, кто не имел возможности учиться, а потому нанимался в слуги к богатым аристократам или виерам.

Сила дара также различалась. Например, кому-то дано было создавать волшебную бумагу, а кто-то обладал способностями к телепатии. Таким магам, чтобы слышать мысли другого человека, достаточно было использовать некий предмет, например браслет, кольцо или простую с виду шпильку для волос. Я к телепатам не относилась, да и свой дар пока не развила, поэтому практиковалась в общей магии — ведь дар помогает быть лучшей в одном деле, а общая магия дает возможность овладеть универсальными заклинаниями.

Спустя несколько мгновений после того, как я сожгла письмо над свечой, передо мной появился ответ — всего несколько строчек:

«Ваш заказ доставят вечером. Изготовлю на совесть, никто не отличит подделку от оригинала».

Листок я тут же уничтожила и решила сперва переодеться, а потом заняться делами. Служанка внесла коробки в комнату и стала распаковывать покупки. Понаблюдав за ней некоторое время и убедившись, что девушка кладет все вещи на строго отведенные для них места, я вновь села за стол и приступила к составлению списка студентов, которые собирались посетить бал, чтобы после прикинуть соотношение парней и девушек.

Помимо забот с балом еще предстояло написать трактат по теории боевой магии по теме: «Заклинания, выбивающие из рук противника эсканилор». Вот ведь скука смертная! Однако если я не напишу, куратор живьем съест. Амир Вальенте именно для меня выбирал самые нудные и сложные темы, а остальным давал по-настоящему интересные задания.

Тем же вечером состоялся крайне неприятный разговор с матерью, который я, впрочем, предвидела:

— Виолетта, служанка доложила, что сегодня вам на улице повстречалась Малия. Мне рассказали, ты хотела дать бывшей няне денег, а после еще и догоняла ее, когда та бросилась бежать прочь по улице. Изволь сейчас же объяснить свое поведение.

— Прошу прощения, Эстер, я проявила непозволительную слабость. Мне действительно не следовало догонять Малию, но ведь ты всегда внушала мне, что аристократы должны служить для остальных примером истинного великодушия. Малия находилась в таком жалком состоянии, что я не могла не проявить к ней сострадание. А когда она отказалась брать деньги и хотела убежать, мне пришлось догнать ее и попытаться воззвать к разуму этой женщины, заверить, что для таких, как она, существуют определенные места вроде домов терпимости, а раз в неделю проводятся благотворительные обеды рядом с городской площадью. Поверь, матушка, если бы не ее совершенно изможденный вид, я бы прошла мимо, как и положено мне согласно занимаемому положению.

— Твое великодушие похвально, Виолетта, но впредь уясни себе одно — к этой женщине ты не посмеешь более приближаться, а сегодня тебе следовало послать слугу, он вполне мог объяснить ей все сам. Ты позоришь нас своими сумасбродными выходками. Отец до сих пор не может отойти от того возмутительного поступка, когда ты продала карету ради ожерелья. Где оно, кстати, ты собиралась забрать его сегодня.

Я молча поднялась из кресла у окна, в котором делала наброски злосчастного трактата, и достала из небольшого сундучка шелковую коробочку, аналогичную той, что лично забирала у ювелира. Открыв крышку, протянула коробочку матери. Она подошла поближе и немного склонилась вперед, рассматривая лиловые капли в радужном блеске переливающегося металла.

— Что же, весьма недурно. После того как наденешь его на бал, мы поместим ожерелье под надежную охрану, это слишком дорогая вещь. И в будущем, дорогая, чтобы не огорчать нас с Роландом, спрашивай разрешения, прежде чем решишься заказывать волшебные вещи.

— Да, мама. — Я покорно склонила голову, а Эстер подошла и запечатлела на лбу поцелуй.

— Отдыхай, завтра у нас визит в общество просветительского чтения, тебе предстоит переписать несколько новых поучительных советов, что сочинила Тиана Реассон. Эта дама невероятно талантлива и пишет по-настоящему полезные вещи, которые пригодятся многим молодым девушкам вроде тебя. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Эстер.

Мать ушла, а я отодвинула пюпитр и откинула голову на спинку кресла. Что может быть тоскливее советов Тианы Реассон? Длинные наставительные проповеди, написанные

заумными словами, которые мне не только приходилось переписывать в специальную книжечку, но еще и цитировать затем наизусть перед матерью.

Если бы я могла выбирать, то в первую очередь сожгла бы эту книжку, а потом еще половину книг из нашей библиотеки. В ней даже романов не было, только куча умных или наставительных произведений. С горьким вздохом поднялась на ноги и прошествовала в ванную комнату.

Проведя скучнейший день, начавшийся с визита в читательское общество, а затем посещения нескольких благотворительных организаций и кружка великосветских манер, чья основная цель состояла в распространении среди аристократов правил поведения в обществе, я наконец-то вернулась домой. И вот там меня ждал сюрприз.

В комнате на туалетном столике обнаружился конверт, обычный белый конверт, а в нем письмо. Подобных посланий я не получала уже очень давно, ведь нет необходимости писать что-то на обычной бумаге, когда есть специальные магические листы или иные способы доставлять послания. С любопытством повертев конверт в руках, не обнаружила на нем имени адресата, зато, когда достала письмо, сразу поняла, в чем дело.

«Славная моя девочка» — так оно начиналось. После этих слов не было смысла гадать — славной девочкой звала меня только Малия в далеком-далеком детстве. Я быстро прошла к двери и заперла ее на замок, а затем, устроившись в кресле у окна, снова развернула лист желтоватой бумаги.

«Благодарю тебя за твой искренний и такой великодушный порыв. Столько лет прошло с нашей последней встречи, а ты узнала свою старую няньку. Надеюсь, у тебя не возникнет проблем оттого, что подарила мне это ожерелье. Мне сложно поверить, что люди, выросшие в довольстве, еще способны сочувствовать тем, кому повезло меньше. Поверь, я знаю, о чем говорю. Много довелось пережить за эти годы и многое довелось увидеть.

Я не буду писать ни о своей давней ненависти к твоим родителям, ни об отношении к остальным аристократам, для которых человек ниже их по положению представляется недостойным внимания. Надеюсь, тебе никогда не доведется испытать того, что выпало на мою долю. Может, благороднее было бы вернуть твой подарок обратно, но сейчас уже поздно. Я показала ожерелье своему хорошему другу, и он объяснил, что подобную вещь нельзя хранить при себе. Он забрал подарок и продал его по частям, все деньги отдал мне, а потом велел покинуть королевство, что я и сделала.

Сейчас, пока ты читаешь это письмо, я совершаю первое в своей жизни путешествие. Там, в другом месте, у меня будет новый дом и новая, пусть и недолгая жизнь. Спасибо, моя девочка. Прости, что покинула тебя много лет назад среди этих бездушных черствых людей. Мне следовало быть осторожнее, мне следовало лучше следить за тем, что и когда я говорю, и тогда, возможно, мы смогли бы больше времени провести вместе.

Я пыталась хоть разочек увидеться с тобой после, но мне этого не удалось, а наша случайная встреча произошла слишком поздно. Я всегда очень любила тебя. Ты была милым, жизнерадостным и совершенно обычным ребенком, что безмерно удивляло меня, особенно когда я смотрела на твоих родителей. Надеюсь, эти слова

не заденут твоих дочерних чувств.

Помни, моя хорошая, если когда-нибудь в жизни для тебя наступят трудные времена, ты всегда сможешь обратиться за помощью к одному человеку — моему замечательному другу, который нередко помогал мне. Я рассказала ему о тебе, а в этот конверт вложила карточку с его именем и адресом. Если будет трудно, не стоит колебаться, обращай к нему за помощью, он не откажет.

Крепко целую тебя,

твоя Малия».

Я прочитала последние строчки и сжала листок в руках. Как сложно было понять собственные чувства в этот момент. Я вдруг задумалась о тех днях, когда была еще совсем маленькой девочкой и бегала повсюду тенью за веселой нянюшкой, тормоша ее, задавая бесконечное количество вопросов и выпрашивая поиграть со мной в очередную интересную игру.

Воспоминания так поглотили меня, что стук в дверь заставил вздрогнуть от неожиданности. Быстро подскочив из кресла, я подбежала к столику и зажгла свечу, а потом поднесла край бумаги к пламени и положила загоревшийся листок в серебряное блюдо. Лишь когда от послания остался пепел, я прошла к двери и отворила служанке, которая пришла помочь мне подготовиться ко сну. Расчесав мои волосы и заплетя их в толстую косу, девушка помогла мне надеть ночную рубашку. Когда я уже собралась лечь в постель, служанка подошла к креслу, чтобы забрать с него вещи, и увидела забытый конверт.

— Мисс Виолетта, здесь у вас бумага какая-то.

— Положи на мой стол, к той стопке, что касается предстоящего бала.

— Хорошо, мисс. На конверт похоже. Мне в таких из дома давным-давно письма присылали.

— Это одно традиционное заведение, у них такой стиль — используют только устаревшие вещи.

— Вот ведь диковинно придумали! — С этими словами служанка отнесла конверт на стол, а я, облегченно вздохнув, повернулась на бок, обняла покрепче подушку и очень скоро уснула.

Глава 4

Загадка

Последняя неделя перед балом выдалась невероятно насыщенной. На занятиях царило необычайное оживление. Если парни еще старались вести себя более сдержанно, то девушки оказались просто не в состоянии сосредоточиться на скучных и монотонных лекциях, а вместо этого постоянно шушукались.

Только на теории боевой магии всегда был идеальный порядок, так как куратор держал нас всех в ежовых рукавицах. Он хорошо и доступно объяснял темы, но если замечал, что кто-то отвлекается на посторонние вещи, немедленно призывал к порядку. О методах, которые использовал наделенный буйной фантазией старик, можно судить хотя бы по тому лиловому дождику, который он устроил лично для меня. Наши университетские шутники (а были в среде учащихся-аристократов и такие) частенько сокрушались, что им очень далеко до Амира.

Однажды на одной из пар, когда мы старательно скребли в своих записных книжках пишущими палочками, пытаясь не упустить ни слова из речи куратора, он внезапно замолчал. Подняв головы, все посмотрели сперва на стоящего на преподавательском возвышении Амира, а затем, проследив за его взглядом, на пару студентов, которые замерли в весьма странных позах и с очень комическим выражением на лицах.

Как я позже поняла, бедолаги пытались передразнивать манеру старика вести занятие, а он их самым настоящим образом заморозил прямо на середине процесса, отчего те застыли, подобно истуканам, и, будучи в состоянии все видеть и слышать, пошевелиться просто не могли. В конце занятия Амир заявил, что студенты останутся в таком виде до конца учебного дня, и велел нескольким парням из группы переносить горе-шутников на следующие занятия, дабы они не прогуляли ненароком положенные учебные часы.

В конце урока, когда студенты отправились на выход, а несчастных замороженных поволокли на себе их товарищи, Амир подозвал меня к себе. Я гордо приблизилась к возвышению, сдерживая настойчивое желание вооружиться чем-нибудь подлиннее и поострее.

— Дорогая Виолетта (противный старик прекрасно понимал, как раздражает меня подобное обращение, и частенько его использовал), не вы ли давали обещание справляться с возложенными на вас обязанностями старосты? Время идет, а отбором студентов, которые смогут принять участие в соревновании между школами, вы так и не занялись. Студентки на занятиях болтают только о бале, вызывая неудовольствие других преподавателей. Успеваемость резко понижается. О чем вы вообще думаете?

— Куратор Вальенте, я уже сейчас могу перечислить вам нескольких подходящих, на мой взгляд, студентов, которых нужно будет подготовить к соревнованию. А что касается девушек, то сегодня же я проведу воспитательную беседу и объясню, что праздник не повод пренебрегать занятиями.

— Удивляюсь, почему вы не сделали этого раньше. Похоже, вы сами слишком заняты.

— Бесспорно, приготовления занимают все свободное время, но я не оставляю без внимания и остальные обязанности.

— Что очень странно.

— Что, простите?

— Создается ощущение, дорогая Виолетта, что вы подобны хорошо выдрессированному зверьку, который делает только то, чего от него ожидают другие. У вас самой есть хоть какие-то личные увлечения, предпочтения?

На секунду я растерялась, поглядывая на старика и задаваясь вопросом, не смеется ли он сейчас надо мной, но взгляд пронизательных зеленых глаз был серьезен как никогда.

— Полагаю, моя личная жизнь и увлечения никак не связаны с учебной деятельностью и кругом ваших обязанностей как куратора, уважаемый Амир Вальенте, — ответствовала я, наблюдая, как старик вновь презрительно кривит уголок рта.

— Ступайте, Летта.

— Простите? Как вы меня назвали?

— Летта — это сокращенный вариант вашего имени и, по моему мнению, подходит вам намного больше. Знаете, на древнем языке слово «мариолетта» означает «послушная кукла».

Я молча выпрямилась, держа спину так ровно, как только возможно, повернулась к выходу и покинула класс, презрев все правила приличия, требующие от меня сперва вежливо попрощаться с куратором. Мерзкий старикан! Да он переходит все границы!

Сейчас думаю, что, не выведи меня Амир тогда из себя, я смогла бы с достоинством выйти из ситуации, возникшей немного позже, но из-за обидных слов куратора я находилась в совершенно смятенных чувствах и с трудом себя контролировала.

Следующее занятие проходило у преподавателя Демиуса Ритъери, того самого красавчика-блондина, чьей обаятельной персоной восторгалась половина студенток всего потока. Он вел дисциплину под названием «Теория зачарованных предметов», и одно теоретическое занятие всегда чередовалось с одним практическим. На этом уроке Демиус рассказывал о предметах, способных изменить облик человека. На его столе лежали самые разнообразные вещи: от расшитого разноцветными камнями пояса до странного головного убора, напоминающего приплюснутый сверху конус.

— Эти вещи принадлежали в свое время известным в истории сильным магам. Например, сей пояс, — Демиус подцепил кончиками пальцев пушистую кисточку и поднял пояс вверх, — являлся собственностью известного мага-убийцы Лютоуса Чинкалло. Как вы должны помнить из истории нашего королевства, которую любой уважающий себя аристократ изучает с младшего возраста, Лютоус имел способность оборачиваться великаном, что давало ему возможность бросаться на своих противников и давить их на месте. Прискорбен тот факт, что справиться с ненормальным магом удалось только виеру по имени Атревид Десесператун. Сам Атревид погиб в ходе поединка, но у него получилось уничтожить величайшего злодея тех дней, а этот пояс остался как напоминание. Подобных магических вещей более не изготавливают ни в нашем королевстве, ни в других.

— Преподаватель Демиус, — раздался тонкий голосок одной из самых преданных поклонниц Ритъери, — а если кто-то украдет этот пояс и использует в дурных целях?

— Дело в том, Гинелла, — протянул Демиус томным голосом, вызвав на лице девушки жаркий румянец, — что каждая вещь изготавливалась для конкретного человека. Без связи с хозяином, чьи магические способности взаимодействовали с силой, заключенной в поясе, этот предмет никого больше не обратит в великана. Сейчас это обычная тряпка, не способная причинить вред.

— А как Лютоус смог изготовить пояс? — спросил один из студентов.

— Не он его изготавливал. Пояс делался на заказ, но кем и где, до сих пор остается загадкой. Только очень сильные маги способны взаимодействовать с предметами и зачаровывать их определенным образом. Такие маги редкость во все времена. А теперь запишем с вами классификацию волшебных предметов, меняющих облик человека.

После этих слов Демиуса студенты необычайно притихли и принялись писать под диктовку, а Ритьери прохаживался по рядам между стульями и периодически заглядывал учащимся через плечо. Когда он проходил мимо меня, то неожиданно наклонился слишком близко и жарко шепнул на ухо:

— Оставайтесь после занятия, Виолетта, — а потом выпрямился и как ни в чем не бывало отправился дальше.

Будучи еще под впечатлением от обиды, нанесенной куратором, я никак не могла собраться с мыслями и сообразить, что теперь нужно Ритьери.

Когда лекция подошла к концу, а остальные ученики потянулись к выходу, я осталась сидеть на месте, наблюдая, как Демиус постепенно выпроваживает из аудитории своих поклонниц, окруживших преподавателя веселой стайкой и наперебой задающих ему разнообразные вопросы.

С трудом отвязавшись от последней студентки, Ритьери напрямик направился ко мне и уселся на край стола, расположившись на нем столь вольготно, словно ему там было самое место. Закинув ногу на ногу, преподаватель склонился вниз и начал довольно странный разговор:

— Виолетта, как проходит подготовка к балу?

— Постепенно, уважаемый приор^[1] Ритьери.

— О, Виолетта, к чему же столь официальное обращение? Вы можете звать меня просто Демиус. — Преподаватель посмотрел на меня с задумчивой улыбкой, явно ожидая проявления бурного восторга. В ответ я положила подбородок на скрещенные ладони и устремила на него внимательный взгляд.

— Как вы серьезны, Виолетта, всегда столь собранны и прилежны.

— О чем вы хотели поговорить, Демиус? У меня еще много дел.

Преподаватель удивленно приподнял бровь, потом внезапно спрыгнул со стола и склонился вниз. Схватив мою руку, поднес ее к губам и поцеловал.

— Виолетта, я не смею вас задерживать. Я лишь хотел попросить о чести подарить мне несколько танцев на предстоящем балу. Вы ведь не откажете?

— Боюсь показаться невежливой, но я уже пообещала все танцы моему жениху.

— Правда? Но я полагал, что раз Эльмарин Остеус не сможет присутствовать, то вы потанцуете со мной.

— Не понимаю, о чем вы?

— Я встречал на днях вашего жениха, и он говорил о какой-то поездке. Я полагал, что вы в курсе.

Я села ровнее и скрестила на коленях руки, пристально разглядывая деревянную резьбу по краю стола.

— Вы огорчены, Виолетта? — Ритьери вдруг коснулся кончиками пальцев моего подбородка, поднимая лицо выше, и доверительным тоном сообщил:

— Я постараюсь сделать все, чтобы вы не скучали на балу без вашего жениха. Согласны ли вы подарить мне пару танцев?

Пришлось напрячь последние силы, чтобы удержать на лице вежливую улыбку и не

выдать собственной тоски. К горечи обиды примешалось острое чувство разочарования.

— Вы сказали пару танцев? Я не возражаю.

— Превосходно, Виолетта! — С чувством выполненного долга Демиус слегка поклонился и даже помог донести до двери мою изящную сумочку с письменными принадлежностями и книжкой для записей. — Приятного вам дня.

Покинув душную аудиторию, я подошла к раскрытому окну коридора и взглянула на яркий солнечный день. Набрав полную грудь воздуха, затаила дыхание и прикрыла глаза на мгновение, усилием воли отгоняя прочь мысли о том, что Эрин не будет присутствовать на балу, в организацию которого я вложила столько сил. Я ведь так старалась, я очень хотела, чтобы он все это увидел и гордился мной, хотела танцевать с ним весь вечер, а он даже не предупредил о своей поездке.

Внезапно громкие голоса за углом коридора привлекли мое внимание:

— Я его приглашу, ты поняла, мышь белобрысая?

— Да он на тебя, дурнушку корявую, даже не посмотрит. Он будет танцевать со мной!

Быстро завернув за угол, узнала в двух склочницах Гинеллу и Ребекку — самых верных поклонниц голубоглазого преподавателя Ритъери.

— Это ты опозоришься! — кричала меж тем вторая. — По этикету преподавателей нельзя приглашать, только если они сами примут участие в танцах. А Демиус обязательно пригласит меня, на тебя он даже не смотрит!

— Да ты ничего не соображаешь в мужчинах, я ему нравлюсь с самого первого дня!

После этих слов, которые, судя по всему, явились последней каплей, темноволосая Гинелла кинулась на свою противницу и вцепилась той в волосы.

Покраснев от переполнившего меня чувства праведного гнева, я крикнула громче, чем позволено разговаривать настоящей аристократке:

— А ну прекратите немедленно!

— Виолетта! — пискнула Гинелла и отцепила руки от волос противницы.

Раскрасневшиеся соперницы потупили глаза и шумно дышали.

— Какой позор! Как недостойно вы себя ведете! Повезло еще, что вас не увидел никто посторонний. Вы понимаете, какую репутацию создаете нашей академии своими возмутительными выходками? Кричите здесь, словно плебейки на рынке. Немедленно верните мне пригласительные билеты на бал! Не хватало еще, чтобы вы там передрались за право танцевать с Ритъери!

— Виолетта, прошу тебя, позволь нам потанцевать, пожалуйста, мы так долго ждали этого праздника! — взмолилась Ребекка, а Гинелла стояла рядом и изо всех сил кусала губы, чтобы не расплакаться.

— Нужно было вести себя соответственно. На бал вы не идете! — Я отвернулась от расстроенных девушек и отправилась на следующее занятие. Может, хотя бы это научит их держать себя в рамках приличий.

Уже вернувшись вечером домой, обнаружила на туалетном столике подарок от жениха. В записке, прилагавшейся к темно-синей бархатной коробочке, красивым твердым почерком было написано:

«Милая Виолетта, невероятно жаль сообщать тебе, что неотложные дела не позволяют мне присутствовать на балу, организуемом тобой в эту субботу. Я должен отлучиться из королевства на пару дней. Навещу тебя, как только вернусь, а

пока прошу принять мои искренние сожаления и небольшой подарок, который, я надеюсь, немного смягчит твое сердце и подсластит горечь нашего недолгого расставания.

Твой Эрин».

Раскрыв коробочку, я обнаружила в ней лиловые капли амарила, заключенные в радужный металл. Изумительные серьги тонкой работы чудесным образом гармонировали с тем самым колье, что я недавно забрала у ювелира.

Глава 5

Праздник

— Это потрясающе!

— Просто великолепно!

— Совершенно изумительно, Виолетта!

Такие возгласы я слышала со всех сторон, медленно обходя балльный зал. Все вокруг сияло и сверкало в ослепительном блеске магических кристаллов. Осматривая критическим взглядом убранство самого большого танцевального зала академии, я придирчиво оценивала не только украшения, но и удобное расположение столов с угощениями, рассадку музыкантов, расстановку небольших диванов для тех, кто пожелает отдохнуть от танцев. Даже мой взыскательный взор практически не находил, за что зацепиться.

— Вы довольны услугами нашей фирмы, мисс Виолетта?

Я обернулась к декоратору — молодой женщине, которую сама же наняла, выбрав из тридцати кандидатов. Ее фирма была небольшой, но то, как владелица вела свои дела и более чем ответственный подход к организации, плюс учет всех пожеланий клиента без малейших попыток оспорить, — все это сыграло в пользу именно «Блеска» (так называлось заведение мисс Памелы, единственной женщины-декоратора из предложенных мне на выбор кандидатур).

— Вы замечательно справились со своими обязанностями.

— Боюсь, здесь моих заслуг меньше, чем ваших. У вас определенно талант в том, что касается организации подобных мероприятий. Ведь мы работали строго согласно вашему плану.

— Благодарю за похвалу.

— Я совершенно искренна, мисс Виолетта. Имей я такую возможность, непременно предложила бы вам работу в своей конторе.

— Вы забываетесь, мисс Памела.

— Ни в коей мере. Поверьте, я крайне взыскательна к своим сотрудникам. Пусть это не выглядит комплиментом в ваших глазах, но я лишь хотела подчеркнуть ваше мастерство. Зал выглядит изумительно. — Она обвела рукой сияющее пространство вокруг нас, а я в сотый раз окинула взглядом увитые плетистыми розами стены.

Яркие цветы магических растений мягко сочетались оттенками розовых, малиновых, красных тонов — один плавно перетекал в другой, образуя общую цветовую гамму праздника. Зеленые стебли обвивали искусственные золотые колонны из гипса, установленные вдоль стен, между которыми стояли мягкие диваны, обтянутые темно-синим шелком.

Стремясь придать празднику больше шарма, я заказала магические кристаллы, которые по цене намного превосходили обычные световые шары, но и свет, излучаемый ими, был гораздо ярче, а грани кристаллов, зависающих в воздухе, изумительно переливались радужными оттенками. Паркет повторял цветочный рисунок, и его цвет соответствовал тону стен. Оркестр располагался на небольшом острове посреди искусственного озера, вокруг которого должны были танцевать пары, и блеск этого озера отражался в зеркальном потолке, как и сияние кристаллов и глянец золотых колонн.

Честно говоря, я совершенно не любила розы, но никому не призналась бы в этом. Роза — самый аристократичный и изысканный цветок на свете. Никто бы не понял, организуй я праздник и укрась все вокруг нежными веточками сирени. Пусть ее аромат не уступает запаху роз, но больно неприятен этот скромный цветочек. Ведь мужчины не дарят своим возлюбленным сирень. Для демонстрации сильных чувств намного лучше подходят униженные острыми шипами прекрасные и опасные растения, чью красоту даже в поэмах воспевают.

Участники бала все прибывали. Девушки входили под руку с кавалерами или в сопровождении подруг. Пришлось сделать несколько дополнительных приглашений для женихов и поклонников, иначе партнеров по танцам всем бы не хватило.

В этом году при наборе в академию девушек оказалось больше. Многие сыновья из аристократических семей предпочитали академии магии военные казармы при королевском дворе. Хотя хороший маг всегда ценился выше обычного (пусть и на службе у короля) гвардейца, зато учиться там было проще и, наверное, интересней для мужчин. Оно и понятно, их влечет оружие, тренировочные бои, испытательные полигоны, где можно дать волю собственной силе, ярости, желанию показать свое превосходство.

Наряды дам и кавалеров отличались определенной строгостью согласно принятым в высшем обществе правилам. Однако многие девушки умудрились несколько занизить зону декольте, выбрать юбки попышнее, чтобы подчеркнуть талию, а несколько студенток даже оголили плечи, заказав платья без рукавов и прикрыв верх лишь легкой полупрозрачной материей. Я недовольно глянула в их сторону, но отвернулась, не сказав ни слова. Сегодня сделаем небольшое послабление в честь бала, но если нечто подобное будет иметь место в стенах академии, то я им не завидую.

Второй причиной данной уступки было то, что я тоже позволила себе слабость и заказала для бала платье лавандового, а не розового цвета, хотя именно второе больше подходило под тематику вечера и именно красные, розовые и даже пурпурные оттенки преобладали в туалетах девушек.

Платье с плотно облегающим лифом имело небольшой вырез, открывавший ложбинку между грудями, где и покоилась капля фальшивого амарила. Низ расходился легкими волнами при каждом движении, а материя начинала переливаться всеми оттенками сиреневого. Создавалось ощущение, будто это прохладный ручеек струится вдоль моих ног, настолько невесомой и мягкой была ткань. Я ощущала себя королевой праздника. Пусть ожерелье было поддельным, зато серьги настоящими, и магия камня работала совершенно потрясающим образом: когда я проходила мимо, мужчины оборачивались вслед.

Лишь три обстоятельства портили этот чудесный вечер: во-первых, Эрин все-таки уехал из королевства, хотя я до последнего надеялась, что он изменит время поездки и посетит бал; во-вторых, противный старикан Амир Вальенте присутствовал здесь на правах куратора; ну а в-третьих... Третье обстоятельство внезапно выросло на моем пути недалеко от увитой зелеными стеблями колонны, при этом вид оно имело настолько щегольской, что я невольно замедлила шаг, окидывая взглядом высокую фигуру Демиуса Ритьеры.

Преподаватель нарядился в свободную синюю рубашку, атласный жилет сапфирового цвета, свободного покроя темно-синие брюки и такой же фрак. Ярким пятном в этой гамме ультрамариновых оттенков являлся бордовый шейный платок с небрежно завязанным узлом. На ногах нашего университетского франта оказались черные лакированные туфли. Если бы я не владела собой в совершенстве, то непременно открыла бы рот, но вместо этого чинно

присела перед преподавателем в некоем подобии реверанса и протянула для поцелуя руку.

— Виолетта, вы подобны хмельному вину, при взгляде на вас голова идет кругом, а блеск глаз пьянит и... — Демиус выдержал паузу, а потом понизил голос и добавил: — И притягивает неимоверно.

— Я не желала бы стать причиной вашего быстрого опьянения, Демиус. Иначе вам придется покинуть бал раньше времени.

В ответ мужчина лишь обольстительно улыбнулся:

— Несмотря на молодость, вы весьма искусны в придворной науке, Виолетта. Умеете дать отпор зарвавшемуся поклоннику?

— Вы относите себя к моим поклонникам, Демиус?

— К самым пылким, очаровательная Виолетта! Не желаете ли станцевать?

— Благодарю за приглашение, но только после первого танца, — промолвила я, отчаянно пытаюсь найти благовидный предлог и отвязаться от настойчивого кавалера, чтобы он не вытянул меня на середину зала на глазах у всех. Пусть я дала обещание, но открывать бал с этим мужчиной было бы слишком опрометчиво.

Взгляд, обежавший собравшихся, выхватил на диване в углу нашего куратора. Амир сидел, положив ладони на набалдашник своей любимой трости, и задумчиво наблюдал за оркестром. Вот оно! Чудесная возможность! Мало того что отвязусь от Ритьери и открою бал с куратором, что гораздо приличнее, так еще и насолю старикану, который явно опозорится, когда ему придется отплясывать у всех на виду эльтареллу^[2].

Изящно отвернувшись от Ритьери, я направилась напрямик к куратору и остановилась возле дивана, пытаюсь привлечь внимание Амира.

— Виолетта?

— Куратор Вальенте, окажите честь открыть со мной бал?

— Мм... — Старичок определенно растерялся. — Здесь столько кавалеров, очаровательная Летта, зачем вам в партнеры такой старик, как я?

— Именно вы помогли празднику свершиться. Но если здоровье не позволяет, то я не смею более вас тревожить, — едва ли не сквозь зубы промолвила я, разозлившись, что он вновь назвал меня Леттой, а после добавила с притворным вздохом: — Придется отыскать партнера, который в состоянии сделать несколько танцевальных па по залу. Приятно вам отдохнуть здесь, в уголке, куратор Вальенте.

Я немного присела перед стариком, а он в этот миг рассматривал меня, и я отчетливо увидела, как в уголках его губ промелькнула усмешка. Внезапно куратор поднялся на ноги, положил свою трость на диван и поклонился, протягивая мне руку. Я машинально вложила в нее ладонь, озадаченно поглядывая на деревянный атрибут.

— Вам не понадобится ваша трость, куратор?

— Не тогда, когда я собрался сделать несколько па по залу с очаровательной партнершей. — С этими словами Амир повел меня в центр к самому озеру. Я подняла руку, подавая знак музыкантам, и воздух наполнился чарующими звуками мелодии. Медленный проигрыш дал нам время занять места напротив друг друга, а на лице куратора в этот миг мелькнуло на редкость хитрое выражение, которое мне совершенно не понравилось. Неужели догадался, что я задумала?

Амир Вальенте поклонился, но, выпрямляясь, отчего-то коснулся ладонью поясницы. «Старость не радость, дорогой куратор, совсем ревматизм замучил?» Я изящно присела в реверансе, опуская глаза в пол. Начиналась красивая игра двух танцоров.

Прекрасный танец эльтарелла предполагал ухаживание — партнер ступал вокруг дамы, добиваясь ее внимания, а партнерша отворачивалась и кокетничала, и все это было завуалировано искусными и непременно плавными движениями. Куратор двинулся вокруг меня, а я медленно поворачивалась, но руки не подавала.

К берегу озера стали выходить остальные пары, и все они повторяли хорошо заученные движения. Все шло так чинно и мирно, так плавно, а потом вдруг оркестр сделал резкий переход, и музыка грянула, словно гром, весь зал сотрясся от мощных аккордов, и ритм понесся, будто резвый скакун. Вслед ему сорвались с места девушки, стремясь скрыться от настойчивых поклонников, но были пойманы за руку, и еще один, но уже стремительный оборот вокруг своей оси, и... и мерзкий куратор пребольно наступает мне на ногу, вырвав тихое: «Ох!» Я запинаюсь и падаю назад, а Амир ловит меня у самого пола и снова застывает, ухватившись за поясницу.

Ах, если бы я только могла, я вырвала бы сейчас клоч этих седых волос! Ужасно даже представлять, как комично я смотрелась со стороны, зависая у самого пола, без возможности выпрямиться потому, что мерзкий старикан мешал мне это сделать! С кряхтением куратор наконец разогнулся, а потом повел меня в танце дальше, а темп все нарастал, движения становились резче, партнеры ухватили девушек под локоть и повели по кругу, совершая небольшие подскоки. Куратор тоже подпрыгивал рядом со мной и будто нарочно делал это столь забавно (в отличие от изящных подскоков других танцоров), что я едва сдерживала смех и кое-как могла уследить за собственными движениями. Я уже мечтала, чтобы танец поскорее закончился.

И вновь партнеры взяли девушек за руки и стремительно закружили. Амир настолько быстро провернул меня вокруг собственной оси, что я сделала несколько лишних вращений, и голова пошла кругом, а в следующий миг мне отдавили уже вторую ногу, а потом, крепко ухватив за талию, Вальенте поволок меня сквозь ряды танцующих, будто сорвавшийся с якоря буксир.

В своем стремительном танце мы сбили по дороге несколько пар, но я даже извиниться не успела. А когда при заключительном аккорде внезапно взлетела, то с огромным трудом сдержала крик ужаса, потому что куратор не просто поднял меня за талию, а подбросил вверх, и потом, когда я уже простилась со всем белым светом, едва успел подхватить. Поставив меня на дрожащие ноги, Вальенте поклонился и — ну какой же мерзавец! — вежливо мне улыбнулся и поблагодарил за танец. Я с трудом переводила дыхание, а он даже не запыхался. Чертов маг! Наверняка весь свой резерв задействовал, чтобы устроить мне эту прилюдную взбучку! Все равно доберусь до тебя когда-нибудь!

Я позволила куратору проводить себя к злополучному дивану. При этом маг старательно делал вид, что безумно устал, и едва ли не повис на моей руке, отчего создавалось впечатление, будто это не он меня, а я его провожаю. К тому же Амир все сокрушался, что годы уже не те, а молодежь нынче предпочитает только веселые пляски, в его же времена танцы были совсем другими.

Затем он вдруг принялся вещать о временах своей молодости, о своей семье и о том времени, когда сам учился магии, и мучил меня подобным образом последующие полчаса, поскольку прервать вдруг разговарившегося куратора на полуслове или просто уйти было бы верхом невежливости и нарушением всех приличий. Наконец, улучив момент, когда Амир переводил дух после очередной длинной тирады, я быстро проговорила:

— Боюсь, мне пора. Я пообещала танец Демиусу Ритъери.

Сам преподаватель в этот миг проходил недалеко от дивана, бросая на меня многозначительные взгляды.

— А-а-а, ну идите, идите. Я все понимаю, вам, молодым, нет дела до нас, стариков. Гораздо интереснее проводить его со всякими там Демиусами. — Старик вздохнул, а потом пробурчал себе под нос: — Смертельно унылый пижон.

У меня от удивления даже глаза округлились.

— Что?

— А?

— Вы только что назвали преподавателя Демиуса пижоном?

— Да что вы, Летта, вам послышалось. Я сказал: «Старый уклад уж смешон». Вы идите, идите, танцуйте.

Запрятав подальше собственное возмущение, я отступила от старика и вскоре уже выходила на танец с мгновенно оказавшимся поблизости Ритьери.

Демиус танцевал, бесспорно, очень хорошо, никаких тебе отдавленных ног, головокружения или непредусмотренных полетов. Вот только глаза его так подозрительно блестели, и руку мою он сжимал слишком сильно. А горячая ладонь на талии, казалось, готова прожечь платье.

Я танцевала, старательно считая про себя шаги, потому что только это помогало сохранять невозмутимое выражение лица. У меня возникла стойкая уверенность, что я подобна праздничному блюду, которое преподаватель задумал сегодня отведать. Стремясь спасти все самое ценное, а именно мою честь и репутацию, я подарила Демиусу пару танцев и категорически отказалась танцевать дальше, отговорившись усталостью. Вот только один момент я не учла — Ритьери тотчас же воспользовался моей отговоркой и отвел меня за руку к раскрытому окну.

— Здесь вы сможете подышать свежим воздухом, это приведет вас в чувство, — вымолвил преподаватель.

Я выглянула в тихую звездную ночь. Окно было высоким — почти до пола. Одна из причин, почему я выбрала именно этот зал — в нем единственном были такие широкие окна, которые пропускали достаточно воздуха. Два проема разделялись столбиком, оплетенным зелеными листьями, а в качестве занавески использовались гирлянды из крошечных розовых бутонов. Я отодвинула в сторону несколько гирлянд, вдыхая ночную прохладу, а в следующий миг оказалась уже снаружи.

Демиус ловко и невероятно быстро вытащил меня через окно на крошечный балкон с очень низкими перилами. Балконы эти выполняли чисто декоративную функцию, поэтому стоять на них можно было, только прижавшись к стене и почти вплотную друг к другу.

От испуга я прилипла к холодной каменной кладке рядом с оконным проемом, а преподаватель склонился надо мной, поймав в капкан сильных рук. Я уже знала, что последует далее, а потому не решалась поднять голову, но пальцы Демиуса цепко ухватили за подбородок, и преподаватель меня поцеловал.

Как и в танцах, в поцелуях Демиус был безупречен, все настолько выверено и так профессионально, что я понять не могла, то ли меня действительно целуют, то ли пытаются обучить самой технике поцелуя. Это было приятно, но не хватало эмоций или взрыва чувств, голова не кружилась, и даже дрожи в теле я не ощутила. Когда Ритьери наконец выпустил меня, с улыбкой глядя в глаза, я размахнулась и со всей силы влепила ему пощечину.

Мужчина резко отшатнулся, но не рассчитал, что позади низкие перила, запнулся о них

и упал спиной вниз. Я в ужасе закрыла ладонями рот, склоняясь вперед и глядя на распластавшегося на земле преподавателя. Это же второй этаж! А если он сломал себе что-нибудь?! Демиус лежал неподвижно, и в сердце стала закрадываться паника. Я быстро переступила через низкий подоконник, возвращаясь в зал, и не нашла ничего лучше, чем направиться к памяtnому дивану. С улыбкой раскланиваясь с окликающими меня знакомыми, я быстро приблизилась к куратору.

— Виолетта? Что, еще один танец?

— Нет-нет, куратор. — Я с улыбкой присела рядом на диван и слегка склонилась к удивленному Амиру. — Там преподаватель Ритьери выпал из окна, — все так же улыбаясь, прошептала я.

Выражение лица куратора резко изменилось, с него внезапно сошло добродушное выражение, а взгляд стал жестким.

— Сам упал?

— Я дала ему пощечину, он остуpился и... теперь лежит и не двигается.

— Виолетта, вы...

— Виолетта! — прервал нас голос ректора. — Как вы очаровательны сегодня!

— Господин ректор, — я улыбнулась и спрятала дрожащие пальцы в складках юбки, — вы все же нашли время посетить бал?

— Не мог проигнорировать ваше приглашение. Должен признать, вы великолепно все устроили. Не хотите ли потанцевать?

Я перевела взгляд на куратора, а тот уже снова добродушно мне улыбался.

— Конечно, потанцуйте, Виолетта, а я пока пойду прогуляюсь, что-то в зале душновато.

Много времени прошло после ухода куратора, а он все не возвращался. Я старалась вести себя как ни в чем не бывало, но слишком часто поглядывала на дверь, а в конце концов не выдержала, проскользнула на злополучный балкон и со страхом посмотрела вниз: там было пусто.

Осознав, что танцевать совершенно не тянет, я подошла к чаше с хмельным лимонадом — этот прохладительный напиток содержал в себе небольшую долю алкоголя и придавал мыслям приятную легкость, помогая расслабиться. Когда я допивала второй по счету фужер, позади раздалось:

— Не нальете ли мне, Виолетта?

Рука дрогнула, и ярко-оранжевый лимонад едва не пролился на мое платье. Ну зачем так подкрадываться?

— Конечно, куратор Вальенте, — невозмутимо ответила я, протягивая ему полный бокал. — Ну как себя чувствует преподаватель Ритьери? — с кажущимся спокойствием задала мучивший меня вопрос.

— Вполне сносно для человека, получившего перелом лучевой кости.

Я поднесла к губам бокал, скрывая ото всех выражение лица, потому как невероятно трудно сейчас было совладать с эмоциями. Первая мысль была: «Он жив!», а вторая: «Перелом, что мне за это будет?»

— Полагаю, кости срастутся быстро. Он ведь маг.

— Полагаю, так, — ответил куратор, пристально глядя на меня.

Я вдруг сообразила, что из-за собственного волнения совершенно забыла его поблагодарить.

— Благодарю вас, куратор Вальенте, за вашу помощь.

— Обращайтесь, Виолетта. Всегда к вашим услугам. Как только надумаете выкинуть очередного поклонника из окна, сразу же зовите меня, а еще лучше предупредите заранее, чтобы я подготовился.

— Это вышло случайно, он позволил себе поцеловать меня без разрешения.

— А с чего он вообще захотел вас поцеловать? Или правильнее будет спросить, что заставило вас нацепить на себя украшения из амарила? Не для того ли, чтобы соблазнять возможных поклонников? А теперь вы сетуете на то, что он вас, видите ли, поцеловал?

Мне захотелось объяснить, как Ритьери проявил свой интерес до бала, но я вдруг поняла, что это будет выглядеть так, словно я оправдываюсь, хотя ни в чем не виновата. Пришлось ответить холодно и со всем достоинством:

— Амарил не рождает страсть в сердце, он лишь придает хозяйке большую привлекательность...

— Которая рождает страсть сама по себе. Знаете что, мисс, поезжайте-ка вы домой, пока я вас тут прилюдно не выпорол за эту вашу всезнательность и поучительный тон!

Я ничего не ответила и отвернулась. Он помог мне сегодня, а значит, я промолчу. Пусть так, поеду домой, все равно вечер испорчен безвозвратно. Ну почему куратор такой противный старик?! Я ведь была ему так благодарна, а он снова все испортил!

Глава 6

Как тяжело быть правильной

Более мы с куратором к данной теме не возвращались, и отношения наши не слишком переменились. Ритъери временно заменял другой преподаватель, а я с волнением ожидала, когда Демиус вернется.

Спустя несколько дней после бала из соседнего королевства приехал Эрин. Он нанес нам визит, и родители даже оставили нас на несколько минут наедине. Я чувствовала себя отчего-то скованно, хотя раньше всегда невероятно радовалась редким появлениям жениха. Возможно, свою роль сыграл тот поцелуй на балконе, о котором я решила промолчать.

— Тебе понравился мой подарок, Виолетта? — спросил Эрин, приблизившись ко мне со спины и положив руки на талию.

— Изумительный подарок. Жаль, что ты не смог присутствовать на празднике. Подарок предназначался именно тебе.

— В моих глазах ты всегда привлекательнее других женщин, — ответил Эрин, развернул меня лицом к себе и коснулся губ легким ласковым поцелуем, пробудившим в душе грусть и нежность.

— Мне пора, — вздохнув, прошептал он.

— Да, понимаю. Как всегда, много дел.

Эрин склонился и поцеловал мою ладонь, а потом нежно сжал тонкие пальчики и ушел.

Жизнь закрутилась в привычном ритме. Гимнастика и верховые прогулки по утрам, холодный душ и легкий завтрак, а затем учеба. Я старательно училась сама, но при этом не менее пристально следила за успеваемостью остальных студентов. Я выделила нескольких человек со всего потока, которым предстояло пройти ряд испытаний. Тех, кто справится со всеми заданиями, мы отберем для предстоящих соревнований.

Среди лучших был и мой партнер по боевой магии Грин Тинкерелло, и казалось, что он вполне мог претендовать на должность капитана нашей команды. Однако все списки согласовывались с куратором, который лично вычеркивал кандидатов и не забывал при этом сделать какое-нибудь гадкое замечание вроде: «Вы и этого сюда включили? Создается ощущение, что вы просто наугад перебираете всех студентов, Виолетта».

Я уже давно уяснила, что спорить и пререкаться с Амиром себе дороже, гораздо больше его злило мое холодное молчание, в такие моменты он обычно называл меня Леттой. Однако наше безмолвное противостояние не влияло на учебный процесс и мои собственные успехи. Ректор несколько раз даже лично выразил благодарность за то, как хорошо я справляюсь с обязанностями старосты.

У меня появилось несколько тайных поклонников, которые оставляли записки с цветами в самых неожиданных местах. Девушки старались подражать мне, и я невольно ввела в академии моду на одежду сиреневых тонов. Кто-то даже предложил изменить черный цвет мантий на сиреневый, но я посчитала, что это будет слишком.

Все шло своим чередом, пока два события не изменили спокойное течение моей жизни. Во-первых, вернулся преподаватель Демиус, здоровый и невредимый, вот только отношение его ко мне изменилось на совершенно противоположное, и вскоре его предмет стал самым нелюбимым из всех. Ритъери задавал самые сложные задания, постоянно искал ошибки в

моих ответах, язвил и пытался всячески меня унижить. Я стойко сносила его отношение, делая вид, что меня оно совершенно не волнует. Все обаяние голубоглазого ловеласа отныне предназначалось другим студенткам, и только я стала исключением из правил.

Второе происшествие было косвенно связано с Ритьери, и именно оно сломало наше с куратором хрупкое перемирие.

Случилось все в один из мрачных и хмурых дней, когда за стенами академии шел дождь и завывал пронизывающий ветер, от чего само здание становилось еще более неудобным. После обеда я собиралась отправиться в аудиторию, в которой по расписанию у нас должны были проходить занятия по магическому анализу. Вспомнив, что в прошлый раз не всем хватило магических дощечек, на которых гораздо удобнее составлять различные формулы, я пошла в небольшой чулан, где хранился учебный инвентарь.

Потянув за дверь, обнаружила, что ее заклинило изнутри. К счастью, я тратила все свободное время на изучение дополнительного материала помимо общей учебной программы, а потому легко вспомнила подходящее к этому случаю заклинание. Раздался легкий щелчок, дверь отворилась, а я застыла на месте. Глазам предстало такое, от чего более чувствительная барышня упала бы в обморок.

В полутемном чулане помимо инвентаря обнаружился преподаватель Ритьери собственной персоной, сжимающий в объятиях Селену. Ноги девушки располагались вокруг талии мужчины, юбки задралась до самых плеч, а Демиус стоял со спущенными штанами в одном нижнем белье.

Мой шок не описать никакими словами. Что за вопиющее поведение в стенах академии?! Ведь Демиус преподаватель, а Селена студентка! Да как она могла? Она ведь одна из лучших учениц! Пусть девушка бывала порой излишне эмоциональна, но при этом отличалась прекрасными манерами, и я испытывала к ней искреннее расположение, нас можно было назвать почти подругами. Как могла она вытворить такое!? В этот миг Ритьери пошевелился, и это движение вывело меня из состояния шока. Резко захлопнув дверь, я поспешила к ректору.

В приемной секретаря на месте не оказалось. Чуть поубавив пыл, я постучала в дверь ректорского кабинета, услышала: «Войдите», и ужасно удивилась, застав в комнате куратора Вальенте.

— Ректор Анделино вышел, — пояснил Амир, — у вас какие-то вопросы, Виолетта?

— Я желала бы обсудить их именно с ректором.

— Тогда ждите, — указал куратор на соседнее кресло.

Однако сидеть я была не в состоянии, а потому прошла сперва к окну, затем к книжным полкам, потом снова к окну.

— Впервые замечаю у вас подобное волнение, Виолетта, вы даже на падение Ритьери реагировали гораздо спокойнее.

— Вы путаете волнение с возмущением, куратор Вальенте.

— И чем же вы столь возмущены?

Я повернулась к Амиру, раздумывая, стоит ли рассказывать ему обо всем. А впрочем, почему бы и нет? Все равно этот вопиющий случай скоро станет достоянием общественности. Молчать о подобном точно нельзя. Постаравшись не краснеть в процессе рассказа, я подробно изложила Амиру суть происшествия.

— Я обязана доложить ректору. Этот случай необходимо предать огласке, а посмевающим вести себя подобным образом определить строгое наказание!

— Допустим, я согласен в вопросе наказания Ритьери, но девочку стоит пожалеть.

— Пожалеть? Да вы себя слышите? Вы предлагаете потакать разврату в стенах аристократической академии? Это ведь не какая-нибудь виерская академия — истинная обитель порока, — это святая святых, где проходят обучение дети верхушки нашего общества. Именно аристократы являются оплотом морали и нравственности в королевстве Амадин! А вы хотите, чтобы Селене это сошло с рук? Она нарушила главное правило поведения в обществе — женщина обязана хранить свою чистоту до свадьбы, обязана беречь свою честь и репутацию, иначе она не имеет права вращаться в великосветском обществе!

— Виолетта, я с какой-то стороны понимаю ваше возмущение, но хотя бы попытайтесь понять. Есть в нашей жизни чувства, способные кардинальным образом менять мировоззрение. Страсть — одна из таких эмоций. Она затмевает разум, рушит все запреты, именно она в данном случае явилась, как вы выразились, причиной нравственного падения Селены.

— Она должна была держать себя в руках!

— Но ведь не всем повезло родиться с куском амарила в груди вместо сердца, как вы считаете?

— Что?!

— Просто поставьте себя на ее место. У девочки очень непростые отношения с родными, она сильно переживала по этому поводу в последнее время, а Ритьери, как я понимаю, воспользовался ситуацией в своих целях...

— Знаете, куратор Вальенте, я действительно не в состоянии вас понять. В моей семье никогда не позволялось даже думать о подобных вещах, а уж о том, чтобы это сотворить!.. Отчего же Селену этому не научили, ведь ее родители аристократы?

Я вся пылала праведным гневом. Поведение куратора и его слова возмутили до глубины души. Наш спор достиг наивысшей точки именно в тот момент, когда в кабинет вернулся ректор.

— Что здесь происходит? — тут же поинтересовался глава академии, взирая на раскрасневшуюся меня и побледневшего куратора, который поджал губы так, что они превратились в тонкую полоску.

— Ну что же, Летта, вперед, докладывайте о возмутительном происшествии, — промолвил Амир, потом поднялся с дивана и покинул кабинет.

Новость об отношениях Демиуса и Селены облетела всю академию. Родители студентов возмущались распушенностью нравов современной молодежи и тому, что подобное имело место в стенах учебного заведения. Ритьери уволили буквально на следующий день, многие родители требовали исключить и Селену тоже, но куратор Вальенте стоял за девушку горой, и даже ректор в итоге согласился с его доводами.

Я не желала видеть бывшую подругу, но однажды нам довелось столкнуться в коридоре. Я едва узнала бледную, словно разом похудевшую до размеров тростинки Селену.

— Виолетта, — кивнула она мне.

Я хотела гордо пройти мимо, как поступали остальные ученицы, но что-то в ее глазах заставило меня остановиться.

— Селена, думаю, нет смысла интересоваться, как ты поживаешь. Я полагаю, ты уже осознала всю глубину собственного проступка?

— Ты не понимаешь, Виолетта, ведь я люблю его, и мы собирались пожениться в конце

учебного года.

— Отчего же ты не подождала до свадьбы? Если бы она свершилась, конечно.

— Она бы свершилась! Он тоже любит меня! А теперь ему пришлось... пришлось уехать, скрываться от позора...

— Почему же он бросил тебя одну, если любит? Ведь тебе сейчас самой приходится расплачиваться за ваш совместный позор.

— Он... он вернется, обязательно вернется. Виолетта, мои родители, они не отвечают на письма, а вчера ректор вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что они настаивали на моем исключении из академии. Я... я хотела попросить, пожалуйста, напиши им письмо. К тебе они прислушаются, они всегда ставили тебя в пример еще с того дня, когда ты выступила перед вновь набранным потоком студентов. Прошу, пожалуйста.

— А что мне им написать? — ответила я. — Что они неправильно воспитали собственную дочь?

Селена закрыла лицо руками и заплакала, а потом бросилась бежать прочь по коридору, пока не скрылась за поворотом. Я проводила ее взглядом. Отчего-то на душе было необычайно мерзкое чувство, словно я поступила неправильно. Но ведь меня с самого детства учили пресекать порок на корню, прежде чем он разрастется, подобно снежному кому. Только именно сейчас эти прописные истины, усвоенные едва ли не с самого рождения, совершенно не убеждали меня в правильности содеянного.

Вечером я все-таки написала письмо родителям Селены и попыталась обвинить во всем Ритьери, охарактеризовав девушку как невинную заблудшую овечку, которой не посчастливилось повстречать на своем пути истинного искусителя. Отправив послание, я легла спать.

На следующий день, едва я пришла в академию, застала в холле огромную толпу народа.

— Что происходит? — спросила я одну из учениц.

— Все обсуждают последнюю новость.

— Какую новость?

— Говорят, этой ночью Селена пыталась наложить на себя руки.

— Что? — просипела я, потому что воздуха вдруг стало не хватать.

— Не выдержала позора, очевидно. Хотя раньше надо было думать.

У меня все поплыло перед глазами. Хотела наложить на себя руки? Селена?

— А где, где она сейчас?

— Ее забрал из академии куратор Вальенте. Он ее и спас. Говорят, она пыталась повеситься в дальней башне, а он ее из петли вытащил, а потом увез к целителям.

Я молча отошла от группы гомонящих студентов, пытаясь скрыться подальше от этого шума, хотя разве можно убежать от себя и собственной совести?

Селена в академию так и не вернулась, и что с ней случилось, я не знала. Спустя неделю после рокового происшествия я набралась смелости отправиться к куратору. Мне нужно было узнать, что же случилось с девушкой, потому что страшные мысли мучили меня изо дня в день и не давали спокойно спать по ночам.

Амир оказался в кабинете, и это была наша первая встреча с того памятного спора, после которого мы общались исключительно через третьих лиц или посредством записок.

Когда я вошла, старичок поднял голову от кипы бумаг на столе и скривился.

— Что нужно, Виолетта? Я занят.

— Добрый день, куратор Вальенте, я не займу у вас много времени. Мне нужно узнать, что случилось с Селеной. Она здорова? Где она теперь?

Куратор откинулся в кресле и язвительно произнес:

— Совесть замучила, Лавальеро? А я и не знал, что она у тебя есть.

Я пропустила это фамильярное обращение на «ты» мимо ушей. Пусть Амир язвит себе на здоровье, я уже привыкла, главное, чтобы ответил.

— Так она здорова?

— Чувствует себя намного лучше, чем после последнего разговора с тобой.

— Когда она вернется в академию?

— Никогда.

Я удивленно посмотрела на куратора, полагая, что ослышалась.

— Почему?

— Сама догадайся, Летта. Что ей здесь делать?

— Но вы говорили о ее семье и...

— Ситуация изменилась для Селены, ей гораздо лучше находиться подальше от людей, подобных тебе. Сейчас она в порядке, сюда ей можно не возвращаться, а остальное никого не касается. Теперь тебе полегчало? Можешь идти.

Я молча развернулась к двери и уже протянула руку, когда в спину донеслось:

— Я жду нового списка участников соревнований, и будь добра, займись организацией состязаний среди претендентов. Составь перечень испытаний, используя материалы с прошлых встреч между академиями, и принеси его мне. Понятно?

— Яснее некуда. Всего хорошего.

Уже сейчас, спустя полтора года, оказавшись в столь плачевном положении, я очень ясно вижу собственные ошибки, приведшие к моей личной трагедии. Однако в то время мне казалось, что я все делаю именно так, как надо.

С самого поступления в аристократическую академию каждый день моей жизни был заполнен множеством различных дел и хлопот. Помимо основных предметов, таких как теория и практика боевой магии, магический анализ, теория зачарованных предметов, история магии в королевстве Амадин, политология, музицирование, танцы и этикет, я брала еще факультативные занятия. По вечерам на дом приходили учителя, преподававшие обычные бытовые заклинания (я хорошо усвоила урок с лиловой краской), основы магической дуэли, которая несколько отличалась от боевой магии, и, тайком от родителей, историю виерского движения в королевстве Амадин.

Кроме учебы я постоянно занималась решением различных вопросов, связанных с обязанностями старосты. Ко мне обращались преподаватели, студенты и родители учащихся, и все требовали, чтобы я помогала им разбираться с возникающими проблемами: от магических поединков между задиристыми аристократами до плохой успеваемости отстающих учеников. Еще и куратор с ректором свалили на меня организационные вопросы, связанные с состязанием академий.

В конце концов, я настолько утомилась от этих бесчисленных дел, что подключила к своей работе добрую часть учеников, каждому назначила определенные обязанности и сформировала по-настоящему хорошую команду, благодаря которой смогла наконец вздохнуть спокойно. Попытки преподавателей и родителей завалить меня дополнительными заданиями отныне пресекала на корню, отказывая всем тем, чьи просьбы казались слишком

незначительными и не стоящими моего внимания и драгоценного времени.

По мере того как учебный год близился к концу, задания и теория становились все сложнее. В нашей академии не было системы экзаменов, как в других небольших учебных заведениях типа магических школ. У нас каждое занятие начиналось с повторения предыдущего, а раз в три урока проводились опросы, тесты, контрольные работы. С такой же периодичностью мы сдавали и практические приемы.

Некоторые учителя предпочитали давать задания, исходя из наших знаний, приобретенных на всех уроках с начала обучения. Например, на боевой магии любого из студентов могли вызвать в центр зала и попросить показать какой-нибудь прием по желанию преподавателя. По этой причине приходилось периодически повторять пройденный материал, не забывая изучать новый.

Время во всех этих хлопотах летело столь быстро, что совершенно незаметно пришла пора проводить отбор студентов, которые примут участие в соревнованиях между академиями.

Глава 7

Отбор

Участие в подобных состязаниях являлось большой честью и сулило немалые выгоды. Тем, кого отбирали, выпадала редкая возможность быть замеченными придворными экзаменаторами. Именно эти люди привлекали талантливых магов к работе при королевском дворе, куда было невероятно трудно попасть. Те же экзаменаторы устроили предельно сложную систему тестов, на подготовку к которой люди тратили не один год, однако именно участникам состязаний давались значительные послабления.

Меня соревнования в этом смысле не привлекали, я ведь не собиралась работать после замужества. Зато менее родовитым аристократам, которым не столь повезло в жизни, этот шанс представлялся чем-то вроде волшебного камня, исполняющего желания. На победителей взирали как на героев, а академии, в которой они обучались, на последующие два года присваивался статус лучшей. Это давало определенные льготы и дополнительные денежные средства, идущие не только из государственной казны, но и от заинтересованных лиц.

Неудивительно, что многие родители пытались пристроить своих детей в команду, но самой настойчивой оказалась мать Денри Уинтона, подкарауливавшая меня в самых неожиданных местах и убеждавшая всенепременно включить в заветный список ее талантливого мальчика. Сперва я очень вежливо объясняла, что отбираются только те, кто сможет принести команде победу, и личные предпочтения не учитываются. Но после третьей ее попытки я разозлилась и едва не вышла из себя, а потому заявила, что ее сын не будет играть в команде, он слишком мало трудится и чересчур ленив для хорошего студента, каковым она его считает. В ответ на мои слова миссис Уинтон поджала губы и ушла не прощаясь, больше она меня не беспокоила.

В день соревнований в академии были отменены занятия. Участники, пребывавшие в необычайном волнении, и остальные ученики отправились на старый полигон позади замка, где каждый занял отведенное на трибунах место. Кроме студентов присутствовали также их родители, а центральное сиденье занимал сам ректор. Посреди поля стояли я, куратор и отобранные двадцать человек. Поскольку команда должна была состоять из пяти участников, каждый из которых проходил определенное испытание, я разделила всех на четыре группы.

Куратор поднял руку и резко опустил, подавая сигнал, и в тот же миг земля под ногами задрожала, и я едва не вцепилась в Амира, потому что мы вдруг очутились на стремительно возносящейся ввысь каменной глыбе, выросшей прямо из утопанной серой почвы. Отсюда сверху мы могли хорошо обозревать всех участников. Я заметила, что вокруг четырех групп выросли стены, разбив полигон на равные сектора. Сами же студенты ошарашенно озирались и о чем-то перешептывались. Я сделала осторожный шаг к краю, немного склоняясь вниз, и тут же услышала голос куратора:

— Если свалишься, Виолетта, я ловить не буду.

Я отступила, не отрывая взгляда от замерших студентов.

— Ты наблюдатель, — продолжил Вальенте, — твоя задача следить за членами команды. На главном состязании рядом будет стоять Зор, пока ты фиксируешь состояние участников, он отслеживает не только применяемые магические приемы, правильность

используемой тактики, но и их соответствие правилам. От тебя зависит вовремя подать сигнал, если кто-то не справляется с задачей. Ты можешь хорошо видеть каждого человека, у тебя будут в руках пять амулетов, связанных с каждым студентом и окружающими их секторами. Как только понадобится твое вмешательство, активируешь амулет, и участник окажется снаружи, это соответственно означает, что он выбывает из соревнований. Уяснила?

— Да.

— Теперь наблюдай, дальше буду делать замечания в ходе состязаний.

Перед участниками вдруг материализовались полупрозрачные голубые дощечки, на которых вспыхнули буквы: «Водоворот».

— Что это?

— Это предстоящее испытание. Теперь им нужно сообразить, что именно их ожидает, и продумать порядок действий, а также выбрать лучшего из группы, который в состоянии справиться с заданием. За этим обычно следит капитан команды.

— Водоворот, то есть вода, и для защиты от нее нужен какой-то полог или лодка, хотя... нет. Там же будет воронка, значит, утянет под воду. Следовательно, нужна защита со всех сторон, чтобы внутри оставался воздух. Точно! Пузырь, нужен мыльный пузырь!

Куратор одобрительно хмыкнул, а я снова пристально посмотрела вниз, где участники выбирали из своих рядов того, кто первым отправится на испытание. Вперед от каждой группы выступило по одному парню, и вместе они приложили ладони к дощечкам. Тогда же на большом мерцающем экране, зависающем над полем, появились надписи: «Испытание первое — Дерил Маквил, Энтони Саупренкинс, Анджело Рой, Элизар Тервудс».

Спустя мгновение вокруг каждого из названных студентов появились полупрозрачные грани огромного, словно хрустального, куба, отрезавшие парней от остальных участников, а потом вдруг этот куб стал стремительно заполняться водой. Я очень пристально наблюдала за действиями студентов, боясь даже вдохнуть поглубже.

На моих глазах Дерил и Элизар создали прозрачные мыльные пузыри. «Уф, догадались», — выдохнула я, заметив при этом, что Энтони сотворил некое подобие лодки, которая тут же закачалась на бурных волнах, Анджело же уплотнил субстанцию под своими ногами и теперь стоял на воде, немного покачиваясь. В следующий миг, когда вода достигла верхней отметки в каждом кубе и теперь напоминала бурное море, из ниоткуда возник вихревой поток, а следом появилась и воронка, и участников стремительно повлекло к самому центру.

Дерил и Элизар исчезли под водной гладью, и сквозь толщу зеленоватой воды виднелись их силуэты в мыльных пузырях, которые бурно кружило, вращало и кидало из стороны в сторону, однако защита держалась хорошо и охраняла своих создателей. У двух других участников тем временем начались явные проблемы: толща воды под Анджело не выдержала бурного вращения и попросту разбилась на несколько частей, а парень не смог удержаться на поверхности и с криком был утянут под воду.

В тот же самый момент Энтони попытался направить лодку подальше от воронки, но неумолимая сила влекла его все ближе, пока парня не тряхнуло на очередной высокой волне и не выкинуло из лодки прямо в водоворот.

— Спасайте их! — крикнула я, а в следующий миг мокрые и отплевывающиеся студенты оказались снаружи куба. — А если вовремя не заметишь опасность? — вдруг спросила я, рассудив, что не всегда наблюдатель чувствует то, что ощущает сам участник соревнований.

— В таком случае участник самостоятельно может активировать амулет и перенестись

наружу.

Вода стала стремительно покидать куб, и вот уже по зеленой траве катаются два мыльных пузыря с ошалевшими парнями.

Спустя несколько минут прошедшие и провалившие испытания покинули поле. Я наблюдала, как на табличках, сменивших цвет на желтый, возникла следующая надпись: «Пустыня».

Я принялась усиленно раздумывать, что бы это могло значить. Пустыня — это зной и палящий жар солнца, от которого невозможно укрыться. Что в пустыне требуется больше всего? Конечно же вода! Формулы, они должны идеально знать формулы и вычертить их на песке, чтобы превратить его в воду! Попытка только одна, а значит, даже малейшей ошибки быть не должно.

Я глянула вниз на следующих участников, а на экране уже высветились имена: «Испытание второе — Лиза Эрвуд, Тирен Макварелло, Даяна Настер, Эгби Вилсон».

Неплохо. Эти студенты и вправду одни из самых старательных зубрил. Посмотрим, кто пройдет отбор.

И вновь вокруг испытуемых выросли грани прозрачного куба, а в его стенки ударил мелкий желтый песок. Даже отсюда сверху было хорошо видно, как светит внутри палящее солнце, как бедные девушки пытаются закрыться от его лучей руками, а единственный парень Тирен опустился на колени и вычерчивает на песке первую формулу. Я внимательно вглядывалась в знаки. Верно, верно и тут, и тут, а вот здесь... Я шагнула к краю, чтобы крикнуть Тирену, что он допускает ошибку, но рука куратора в тот же миг утянула меня обратно в центр платформы.

— Помогать нельзя, Виолетта, это грубейшее нарушение правил состязания. Из-за этого исключат всю команду.

Не отрывая взгляда от парня, заметила, что он уже почти закончил и выводит последнюю закорючку, и самой захотелось прикрыть глаза. Как же это волнительно — стоять и наблюдать, даже понимая, что это всего лишь испытания внутри школы. Тирен добавил последний штрих, и в тот же миг был снесен воздушной волной к самой стенке куба, где его со всей силы ударило о прозрачную грань, и парень свалился без сознания.

— Ну что за дурак! — в сердцах высказала я. — Перепутал формулу создания воды с формулой воздушного взрыва.

— А вот за этим должна следить ты, Летта. Кто обещал натаскать студентов как следует?

— Я обещала выбрать лучших и выбрала! А натаскивать будем в следующем году, до игр целых двенадцать месяцев!

Хотела было добавить еще и про ответственность куратора следить за успеваемостью студентов, но отвлеклась на одну из девушек — Даяну, которая успешно создала небольшую ямку с водой прямо посреди песчаной дюны. Вот только вода в ней была черного цвета и, кажется, кишела червями.

— Фу-у-у, — скривилась я. — Это пить невозможно!

— Ну, если и правда умираешь от жажды, будешь рад глотку любой жидкости, — не преминул вставить куратор.

— Но не такой же! От нее и умереть недолго.

— Если сходишь с ума без воды, перед глазами все темнеет, кружится голова и горло жжет нещадно, то становишься менее придирчивым.

— В любой ситуации нужно сохранять самообладание.

— Нужно. Главное, чтобы это было возможно.

Я продолжила наблюдать за девушками.

— Как они выберутся? — спросила я Амира.

— Как только пройдут испытание и напьются воды.

Я обратила внимание, что Тирен уже находится вне куба и его пытаются активно привести в чувство наши целители. Поглядев в сторону девушек, заметила, что солнце, кажется, стало печь еще сильнее. Даяна протягивала к черной луже трясущиеся ладони, но никак не могла заставить себя зачерпнуть жидкость.

Я поняла, что ей становится все хуже от жары. Остальным конкурсанткам тоже приходилось нелегко. Обе заканчивали свои формулы, и у Лизы получился настоящий хороший источник с чистой водой, а вот Эгби создала кусок камня. Мне хотелось топнуть посильнее ногой и заявить им, какие они бездари. Да ведь формула элементарная!

— Формула действительно проста, — ответил вдруг куратор, словно прочитав мои мысли. — Вот только стоит учитывать, что эти нежные создания впервые в жизни очутились в таких нечеловеческих условиях. Полагаю, от жары их разум затуманился.

Вечно он всем находит оправдания и всех жалеет, кроме меня. Даже обидно. Лиза наконец напилась воды, а две остальные девушки отчаянно замахали руками, призывая вытащить их наружу. Когда они очутились за пределами куба, то просто свалились на траву, пока к ним не подбежали целители и не унесли обеих в палатку.

Следующей на экране появилась надпись: «Поединок».

— Это магическое испытание? — спросила я куратора.

— Полагаю, что это испытание на скорость реакции.

— Почему?

— Цвет таблички стальной, словно шпага.

— Фехтование, — догадалась я.

И точно. Едва четыре следующих участника оказались за прозрачными гранями, вокруг них словно сгустилась тьма. Внутри куба наступила ночь, возле стен зажглись световые шары, а из темноты навстречу каждому испытуемому шагнула полупрозрачная фигура со шпагой в руках.

И вновь я смогла оценить мастерство фехтовальщиков только на слабую оценку, вроде пятерки по нашей десятибалльной системе. Я понимаю, что фехтование уходит в прошлое и популярны стали магические поединки, но ведь это дань традиции. В любой уважающей себя аристократической семье мальчиков обязаны обучить владению шпагой! Отец и то меня научил! Из четырех участников только один, а именно Грин Тинкерелло, владел шпагой превосходно. Вот что значит прекрасная родословная и именитые родители. Я даже улыбнулась, когда парень задрал вверх голову, донельзя довольный собой, и посмотрел прямо на меня, будто красуясь.

— Следовало бы одарить героя поцелуем, Летта. Может, остальных участников это вдохновит?

Противный куратор не забывал прокомментировать каждое событие и представить все так, будто я в чем-то виновата. Я ведь никогда даже не флиртовала с Тинкерелло.

— У меня есть жених, куратор Вальенте, и только он один достоин моих поцелуев.

— Как же, как же, прекрасно помню, что случается с недостойными, — хмыкнул старикан и оперся на свою трость, наблюдая за тем, как на табличках возникает новая

надпись: «Хищники».

— Хищники? На них натравят хищников? Это что за испытание такое? Их же растерзают!

— Ну, если не сообразят, как справиться со зверем, тогда точно растерзают, — ответил невозмутимый куратор.

Нет, ну скажите на милость, это состязания или игры на выживание?! Чему куратор радуется? Я была невероятно возмущена, на трибунах также раздавались гневные возгласы, то родители студентов выказывали собственное недовольство. Однако Зор Анделино поднял руку, и голоса смолкли. Посмотрев вниз на участников, заметила, что они нерешительно мнут у своих табличек, поглядывая друг на друга.

Я попыталась придумать, как вообще можно защититься от хищников, не имея никакого оружия и зная, что обычная магическая сфера тоже не станет спасением. Внизу пара парней выступила вперед и приложила ладони к экрану. Это были самые сильные студенты на нашем потоке, то есть физически сильные, в плане магии они не слишком блистали. Неужели полагают побороть зверей таким вот образом? Как-то слишком просто и даже глупо.

Следующей вперед выступила девушка из третьей группы и тоже приложила ладонь к дощечке, вызвав новый гул голосов на трибунах. Девушку звали Жаннетт, она была из небогатой и не слишком родовитой семьи, однако училась очень хорошо, а деньги на ее обучение, как я поняла, родственники собирали очень долгое время. Между собой мы все называли ее Жани за маленький рост и хрупкое телосложение. Неужто догадалась, как решить задачу? Что она придумала?

В этот миг вперед вышел последний участник, высокий худой парень, и последнее имя появилось на большом экране, а вокруг ребят выросли грани огромного куба. Теперь это был густой зеленый лес, сами участники очутились посреди круглой полянки, а из леса навстречу выступили хищники.

— Ох! — выдохнула я, прикладывая ладонь ко рту и бросая взгляд на спокойного, и даже, сказала бы, развлекающегося Амира, который с удовольствием рассматривал волка, медведя, тигра и пантеру.

Двое силачей на моих глазах резво кинулись вперед, даже не удосужившись передать заряд в свои эсканилоры. Ну что за дураки?! Одному из них достался медведь, а другому тигр, а они хотят побороть их голыми руками? Безумцы! Едва парни подбежали на достаточное расстояние, как медведь встал на задние лапы, а тигр припал к земле, и в тот же миг храбрецы очутились за пределами куба.

— Сила есть, значит, мозги можно не напрягать, — прокомментировал Амир.

Я продолжила наблюдать за двумя оставшимися претендентами. Высокий худой Рен Иллиотт осторожно подкрадывался к развалившемуся у кромки леса волку и резко остановился, когда тот широко зевнул. Я увидела, как побледневший парень крепче сжал в руках свой эсканилор в виде изогнутой деревянной клюки, протянул руку вперед и направил прямо в лоб зверя зеленый луч. Волк уронил голову на лапы, его глаза закрылись, однако Иллиотт оставался внутри куба.

— М-да-а-а, — протянул куратор, — оглушить оглушил, а дальше что?

«Значит, просто вывести хищника из строя мало, нужно его победить!» — наконец догадалась я. В таком случае остается только один вариант — заклинание подчинения, а еще важно не испугаться — без контроля над эмоциями заклинание произнести не получится.

В этот момент Жани уже приближалась к пантере, только девушке не столь повезло, как Рену, ее хищник отдыхать и не думал, а осторожно крался навстречу. «Не показывай своего страха, — хотелось крикнуть мне. — Не бойся, они чувствуют это!» Если хищник ощутит уверенность противника, тогда позволит приблизиться к себе, и в этот момент можно будет накинуть на него «ментальную» сеть и заставить выполнять свои команды. Однако подсказывать я не имела права, а выдержки Жани явно не хватало, и это ее подвело! Пантера прыгнула, а девушка завизжала и распласталась на земле, в тот же миг очутившись за пределами куба.

— Очень жаль, — протянул Вальенте, — ведь она единственная сообразила, что сделать, только самообладания не хватило. Тебя бы туда, Виолетта, — добавил куратор, а я искоса взглянула на него и по хитрому выражению лица заподозрила, что это был не столько комплимент, сколько пожелание, чтобы мной с аппетитом пообедали. Мерзкий старикан, ужасно противный, терпеть не могу!

Несмотря на злость к куратору, Жани я тоже жалела, ей бы участие в финальных состязаниях могло помочь в дальнейшей карьере.

Тем временем действие снотворного заклятия заканчивалось, и волк уже начинал шевелить ушами и дергать лапами, а Рен так и не придумал, что сделать дальше. Да и вряд ли придумает. Теперь у него сил не хватит на заклинание подчинения.

Словно в ответ на мои мысли парень с размаху бросил эсканилор на землю, плюхнулся рядом и сжал ладонями голову, а спустя миг уже сидел на траве за кубом.

— Запомни, Летта, — вдруг вымолвил куратор, — никогда не нужно сдаваться.

— А что бы он сделал? — удивилась я. — Убить волка он не может, подобные заклинания были уничтожены очень давно, на ментальный контроль не хватит сил, ему ничего не оставалось...

— Он мог сотворить для волка ошейник, пока тот спал. Всего-то навсего.

— Но ведь... — Теперь мне захотелось схватиться ладонями за голову. Подчинить хищника! Это так просто! Ошейник и есть символ подчинения, Рен вполне мог пройти это испытание. Похоже, мне не помешает нанять репетитора по решению логических задач как сложными, так и наиболее простыми методами. Займусь этим завтра.

— В этом соревновании нет победителей?

— Верно.

Я посмотрела вниз на оставшихся участников — всего четыре человека. Кто же из них пройдет следующее испытание, которое, судя по всему, легким точно не будет?

— Во всем этом есть система. Первое задание — это умение генерировать защиту, второе — это построение магических формул и точность расчетов, третье — ловкость и скорость реакции, четвертое — внутренний самоконтроль. Что же может быть в пятом состязании?

— А ты подумай, Виолетта.

— Думаю, испытание на силу.

— Проверим, насколько ты права, — улыбнулся Амир.

Внизу на дощечках уже появилась новая надпись: «Камень желаний», — и я вновь принялась размышлять о сути задания. Камень желаний — это мифический артефакт, которого на деле не существует, но многие в него верят и пытаются его отыскать. Говорят, он скрыт высоко в горах, там, где остроконечные вершины прячутся в пушистых облаках, а холодный белый снег никогда не тает.

Я поежилась, представив эту картину. Никогда не любила холод. В нашей стране вечного лета морозов не знали, разве только в прохладные дождливые дни закутывались в теплые плащи или сидели дома возле горящих каминов. Говорят, в других странах в году целых четыре сезона и самый холодный из них зима.

Звук гонга привлек внимание. Взглянув вниз, увидела, как последние участники прижали ладони к экранам и очутились у подножия высокой горы. Холодные прозрачные грани выросли вокруг, закрыв всех четырех в один огромный куб.

Я сперва сильно удивилась, но потом сообразила, что в этом задании не просто нужно добраться до вершины и отыскать камень, необходимо сделать это быстрее остальных соперников. Кажется, до участников это тоже дошло, потому что они бросились к горе и стали карабкаться вверх.

Быстрее всех ползли Шон и Гир, но они и были настоящими спортсменами, увлекались верховой ездой, стрельбой из лука и показывали замечательные результаты на боевой магии. Кто-то из них наверняка будет первым. Мне казалось, я могу предсказать итог состязания, а потому немного огорчилась, когда обнаружила, что молодые люди, едва добравшись чуть выше середины скалы, стали продвигаться вверх медленнее, будто весь запал куда-то пропал.

— Что-то они сбавили скорость, — сказала я куратору.

— Воздух становится более холодным и разреженным. Лезть вверх все труднее, а они слишком быстро рванули вперед вначале, нужно было рассчитать собственные силы. Вон там чуть ниже Дени Рамкинс двигается медленно, зато уверенно и скорость не сбавляет.

— Они не замерзнут?

— Сомневаюсь, что можно сильно замерзнуть, затрачивая столько сил при подъеме в гору.

И действительно, парни скорее выглядели взмокшими, чем замерзшими. Они ползли вверх, перебираясь с камня на камень, хватаясь за те валуны, что лежали выше, подтягиваясь и продвигаясь все дальше.

Если бы меня спросили, кому помочь добиться победы в состязании, я бы указала на Гира. Он был одним из лучших студентов, сильным, решительным, с прекрасной родословной, а потому достойным чести участвовать в главных соревнованиях.

Однако в одном куратор прав: на состязаниях академий мы не можем допускать ошибок, а затратив столько сил, едва начав подъем, парни поступили попросту глупо. Теперь едва карабкаются, лица покраснели, пот катится градом, дышат натужно. Дени вот мудро все рассчитал и поднимается уверенно, пусть и медленно. До вершины горы оставалось совсем немного, а Шон и Гир окончательно выдохлись, и, кажется, Шон даже шагу вперед сделать не мог, а Гир все еще пытался ползти. На этом участке Дени их и обогнал, а ниже всех остался Лэн, который выглядел не лучше первых двух участников.

В общем, куратор угадал, как и всегда. Первым до вершины добрался именно Дени, он же бросился к большому серому валуну в центре и, упершись в скалу ногами, попытался сдвинуть тяжеленный камень. Вот только сил не хватало. И снова Дени проявил сообразительность, когда схватил валявшуюся неподалеку толстую крепкую палку и использовал ее в качестве рычага, подсунув один конец с краю и приподняв валун таким образом, что под ним обнаружилась небольшая ямка.

Парень, нажимая обеими руками на палку, ногой вытолкнул из ямки голубой камень, тот откатился в сторону, а я изумленно выдохнула, когда увидела, как его схватил доползший-

таким до вершины Гир. Именно он незаметно подкрался к Дени, пока тот отпускал рычаг, и ухватил добычу. Теперь он с победной улыбкой сжимал пальцами камень желаний, а грани куба уже растворялись в пространстве, и скоро все четверо взмокших участников оказались посреди ровного зеленого поля. Я взглянула на молчаливого куратора, чтобы задать интересовавший вопрос:

— Это считается победой?

— Он достал камень, — глухо ответил Амир, а после добавил обычным тоном: — Отбор закончен, Виолетта, пора чувствовать победителей.

Пятеро членов команды были отобраны, а с капитаном мы собирались определиться чуть ближе к самим состязаниям. Дерил Маквил, Элизар Тервудс, Лиза Эрвуд, Грин Тинкерелло и Гир Освальд выстроились в ряд посреди поляны, принимая поздравления от других участников и слушая приветственные возгласы зрителей. Они были отобраны в результате магических поединков, а подобные результаты считались неоспоримыми.

Я видела, как Дени, пожимая руку Гиру, что-то негромко сказал, а тот надменно кивнул в ответ, и на запястьях обоих вспыхнул и погас едва заметный символ — две скрещенные шпаги. Дени вызвал соперника, укравшего его победу, на магический поединок, а Гир вызов принял, теперь эти знаки будут печь запястье до тех пор, пока бой не состоится.

После завершения отбора были распланированы вечерние тренировки с нашими будущими участниками состязаний. Амир Вальенте неожиданно отказался лично курировать подготовку, отговорившись занятостью, а вместо этого прислал нам преподавателей по теории зачарованных предметов и магическому анализу, я же отвечала за составление тех испытаний, что были связаны с внутренним самоконтролем. Мы определяли, какими именно навыками лучше владеют конкретные ученики, а затем тренировали их по данному направлению, не забывая и об общих заданиях. Помимо этого пришлось подбирать каждому участнику замену на случай непредвиденных ситуаций.

Дополнительные обязанности загрузили мой и без того плотный график, зато послужили превосходным оправданием, чтобы отказаться посещать, например, читательские общества и прочие подобные организации, из-за чего Эстер не преминула выказать свое недовольство. Однако отец встал на мою сторону, заявив, что я удостоена высокой чести помочь студентам защитить престиж академии, и мать отступилась.

Глава 8

Премерзкий куратор

Так тянулись дни до последнего месяца занятий, и на финальной неделе тренировки университетской команды пришлось приостановить, поскольку каждый день был посвящен сдаче финальных тестов и контрольных.

Самыми простыми оказались для меня такие предметы, как музицирование, танцы и этикет, хотя должна признать, не все могли похвастать подобной хорошей успеваемостью. Были у нас отдельные студенты, которые за весь год так и не научились красиво исполнять танцевальные па, виртуозно играть популярные мелодии на фортепиано или же изящно орудовать столовыми приборами.

Меня подобное отношение к самым легким и необходимым в нашем обществе вещам невероятно раздражало. Ведь совершенно ясно, что причина кроется в самих студентах, которые из-за лени не желают потратить лишние пару часов в день, чтобы потренироваться и повысить свой уровень. Я бы, будь моя воля, таких учеников выгнала, хотя подобной практики в аристократической академии не существовало: неуспевающих попросту принуждали к отработке проваленных предметов на каникулах.

Следующим по сложности являлся магический анализ, но благодаря дополнительным занятиям я вызубрила основные формулы наизусть и заполнила финальные тесты практически без ошибок. Теория зачарованных предметов, история магии и политология потребовали больше времени на подготовку, поскольку необходимым являлось знание важных исторических дат и имен самых известных в этой сфере лиц, а также классификации магических предметов и сложной системы политического устройства в королевстве.

Несколько вечеров я посвятила повторению и ради этого даже отменила запланированную встречу с Эрином, пригласившим меня на прогулку к озеру. Жених, казалось, сильно огорчился моему отказу и потребовал, чтобы по завершении учебы на каникулах я вместе с ним посетила фамильный замок рода Остеус. Он жаловался, что мы слишком редко видимся (хотя дело здесь было не во мне, а скорее в его вечной занятости). Я, естественно, ответила согласием, и ожидание сказочных каникул придало дополнительный стимул, чтобы поскорее сдать все задания, а не заниматься их отработкой вместо чудесного отдыха.

Последними и самыми сложными предметами являлись теория и практика боевой магии у нашего милого куратора, и моя интуиция подсказывала, что так просто я ее не сдам, что Амир Вальенте не преминет подпортить мне радостное предвкушение от предстоящих каникул с Эрином.

Теория у куратора проходила как обычно: все мы сперва заняли свои места, расположенные полукругом вокруг преподавательского возвышения. На каждом столе уже лежал индивидуальный тест. Я подозревала, что мне досталось задание непростое и очень каверзное, но сравнить его с тестами других учеников, к сожалению, не было возможности. Когда все расселись, куратор установил на столе обычные песочные часы и, перевернув их, произнес:

— Время пошло. Как только в верхней чаше закончится песок, вы все должны положить выполненные задания на край стола, кто замешкается, получит незачет и отработку на

следующий месяц.

Едва он закончил фразу, все схватились за пишущие палочки и приступили к решению заданий. Как я и думала, куратор не мог обойтись без маленькой шпильки, хотя сам, пожалуй, считал это отличной шуткой. Мне попалось задание об изменении первоначального заряда защитной сферы. Необходимо было рассчитать формулу превращения прозрачной защиты в шар, состоящий из лиловой субстанции. Невероятно забавно! Мне едва удалось удержаться от презрительного фырканья, за это куратор мог сделать замечание, а то и выгнать с экзамена.

Я сперва записала в листок все формулы, которые могли понадобиться, а затем стала выводить конечную. Проблема была в том, что, хотя Амир и объяснял нам, как менять защиту, он упоминал о ее превращении в жидкую управляемую субстанцию лишь в общих чертах, а приводимые им тогда расчеты я не слишком хорошо запомнила. Мне пришлось выводить формулу самостоятельно, основываясь на собственных умозаключениях.

Когда я старательно записывала ответ, раздалось шуршание листочков. Быстро поставив точку, я сдвинула готовый тест на край стола, а подняв глаза, увидела, как упала последняя песчинка. Куратор стал по очереди подходить к каждому ученику и просматривать ответы. Те, кому он кивал головой, поднимались и покидали комнату, отправляясь в нижний зал. Я сидела с дальнего края и оттого оказалась последней. Едва моя соседка подхватила собственные вещи и помчалась к выходу, Амир взял лист и принялся просматривать расчеты, а затем нахмурился, разглядывая ответ.

— Хм, Виолетта. Должен признать, что незаметно посылать энергетический заряд в сферу у тебя получается намного лучше, чем менять защитную материю. В целом ответ выведен правильно, вот только на практике из данной формулы мог вполне получиться зеленый или, скажем, бурый в крапинку эллипс. Здесь два лишних и при этом взаимоисключающих расчета, сама формулировка слишком затянута, а в ответе прописаны совершенно ненужные субстанционные потоки. Если, допустим, твоя формула в чистом виде достанется новичку, то он вполне может послать в эсканилор лишний заряд, а это приведет к абсолютно иному результату. Профессионал же, с другой стороны, с заданием справится, но сделает при этом необходимую корректировку. Даже не знаю, засчитывать ли твой ответ.

— Но, куратор Вальенте, вы ведь не давали нам подобных формул.

— Я объяснял и показывал основные расчеты, Летта, а ваша задача как магов — вывести на их основе любую конечную формулу. Или ты полагаешь, что при устройстве на работу кто-то будет рассказывать новым сотрудникам, как именно справляться с заданием?

— Не имею об этом ни малейшего понятия.

— Ты о многом не имеешь понятия, позволь заметить. Я засчитаю твой ответ, если справишься с практической частью. На этом все.

Мне ничего не оставалось, как кивнуть и с гордо поднятой головой степенно отправиться к выходу.

Студенты уже собрались в зале. Все приготовились и держали в руках эсканилоры. Я тоже отцепила птицу с цепочки и заняла место с краю. Мы ждали, когда куратор разобьет нас на пары, но вместо этого Амир велел построиться в ряд и стал подходить к каждому ученику и лично проводить поединок. У меня даже ладони вспотели от испуга. Биться с Амиром один на один совершенно не хотелось. То, что куратор не позволит схитрить и заметит любую оплошность, было ясно как белый день. По мере приближения старикана я

все больше нервничала, начиная всерьез опасаться за предстоящую поездку в замок к жениху.

Когда остальные уже сидели на лавках вдоль стен, я осталась одна напротив Амира. Ужасно хотелось отступить куда-нибудь подальше потому, что куратор был единственным человеком, в присутствии которого я по-настоящему терялась. Уж очень непредсказуемые вещи Вальенте порой выкидывал. Они совершенно не вписывались в мои представления о правильном поведении в обществе. В общем, когда куратор замер напротив, я испытала сильнейшее желание запустить в него эсканилором и сбежать подальше. Вместо этого выпрямила спину и сжала посильнее птицу в ладони.

— Приступим, Виолетта. Твоя задача — гасить атакующие удары, используя подходящие приемы.

— Мм...

— Начали!

«Спасите же меня кто-нибудь!» — именно подобным образом я взывала о помощи в своих мыслях, а внешне с совершенно невозмутимым лицом блокировала выпады куратора. Амир же словно развлекался, пуская по мне то спиралевидные молнии, то мелкие огненные шарики, похожие на дробь, которой охотники заряжают свои ружья, то горящие магические болиды.

Я отражала, как могла. Заклинания я подбирала правильно, но едва успевала за куратором, он мог наносить удары столь быстро, что мне просто не хватало скорости.

— Хм... Летта. Учишь ты превосходно, а вот с реакцией нужно что-то делать, — высказал Вальенте спустя десять минут после начала поединка.

Я в этот момент пыталась отдышаться, едва сдерживаясь, чтобы не растянуться сейчас на полу и лежать так, не двигаясь, ближайшие сорок минут.

— Слишком много времени затрачиваешь на передачу заряда в эсканилор. Если бы ты по первым пассам предугадывала заклинание, то могла бы действовать быстрее, а так... боюсь, не могу засчитать это за сдачу предмета, придется отрабатывать.

— Что? — спросила я, искренне надеясь, что ослышалась, но Вальенте в ответ просто повернулся ко мне спиной и отошел на середину зала.

— Плохо, студенты. Из вас сдала только половина. Те, кому я поставил зачет, могут отправляться на каникулы. Остальные будут проходить отработку последующие две недели вместо положенного месяца. Двух недель хватит, чтобы вас потренировать, а больше тратить времени от своего законного отдыха мне не хочется. Всего хорошего, увидимся в понедельник в девять утра. — С этими словами куратор покинул зал, а я так и осталась стоять столбом, не в силах даже двинуться с места.

Да как он посмел! Как посмел приравнять меня к остальным студентам! Как посмел оставить на отработку, лишив долгожданных каникул с женихом!

Я была вне себя от гнева. Разозлилась так, что направилась напрямик к ректору и принялась жаловаться на предвзятость куратора.

— Виолетта, — пытался успокоить меня Анделино, — я прекрасно вас понимаю, к тому же недавно виделся с вашим женихом при дворе, и он говорил об этой поездке. Но поймите, я ничего не могу изменить. Амир Вальенте превосходный преподаватель, и нам было нелегко сманить его в нашу академию.

— Сманить?

— Он ранее работал наставником при дворе, и лишь год назад удалось уговорить его

преподавать здесь. Тогда ваш куратор выдвинул условие, чтобы в его учебный процесс никто не вмешивался. Мне действительно жаль, но, возможно, вам стоит поговорить с женихом и попросить его перенести поездку.

— Эльмарин не может перенести, у него все время расписано буквально по минутам.

— Тогда вам стоит поехать к нему после двух недель отработок. У вас ведь еще останется немного времени. Считайте, что Амир сделал подарок, предложив две недели вместо положенного месяца. А помочь с результатами я не в состоянии, извините.

— Спасибо, ректор Анделино, — промолвила я, поднявшись со стула и направившись к двери. Снова старик одержал верх, но придет время, когда я сполна отыграюсь за такое его отношение. И у этого мага найдутся слабые стороны, нужно просто немного выждать, тогда судьба предоставит мне шанс.

Именно так мечталось мне в то далекое время, и именно эта дурацкая мысль о мести толкнула меня на самый неправильный в жизни поступок. Я действительно затаилась и не лезла более на рожон, не пыталась пререкаться с куратором или жаловаться на него ректору, я просто ждала и наблюдала, когда Амир оступится, когда совершит ошибку, которой я не премину воспользоваться.

Две недели отработки превратились едва ли не в пытку. Старик прознал о нашем разговоре с ректором и в отместку нещадно гонял меня во время занятий. Я едва уползала после этих отработок, и на остальное просто не оставалось сил.

Когда же спустя несколько дней заехал Эльмарин, чтобы попрощаться, я испытала приступ настоящего гнева. Хотелось схватить какую-нибудь вазу и расколотить ее, а вместо этого вновь приходилось улыбаться, слушать утешения жениха и его слова о том, что он будет с нетерпением ожидать моего приезда. Как и всегда, Эрин надолго не задержался, нежно поцеловал меня на прощанье и уехал.

Честно говоря, было немного обидно. Мне кажется, что пожелай он этого очень сильно, то мог бы изменить свои планы и остаться здесь со мной, чтобы встречаться вечерами и вместе гулять, ведь теперь я была свободна от занятий и домашних заданий.

Этими мыслями я, естественно, ни с кем не делилась. Было бы глупо говорить нечто подобное, например, Эстер. Она бы просто заявила, что это нормально, что я как будущая жена видного государственного деятеля должна заранее смириться с постоянной занятостью мужа. И все эти речи я знала наизусть, а потому молча переживала в душе и кляла на чем свет стоит ненавистного Амира. Зато не было предела моей радости, когда отработки наконец закончились.

В конце занятия Амир вдруг попросил меня задержаться. Я приблизилась к куратору, ожидая очередной пакости, вплоть до того, что лично мне время дополнительных занятий будет продлено на месяц.

— Впервые вижу такую бурную радость с твоей стороны, Летта. Даже глаза сияют. А ведь ты не добила сколько-нибудь поразительных успехов в боевой магии. Я всегда полагал, что только собственное превосходство может искренне тебя обрадовать.

— Вы ошибались, куратор Вальенте. Меня радуют многие вещи.

— Например, конец ненавистных отработок, расставание с нелюбимым куратором и поездка к жениху, так?

— Откуда вы знаете? — удивилась я, только потом сообразив, что фактически призналась в том, что он мне ненавистен.

— Да так... — хмыкнул Вальенте. — Желаю приятной поездки, но не слишком бы рассчитывал на долгий и счастливый отдых. Эльмарин Остеус ведь такой занятой человек, у него даже на собственную невесту времени не хватает.

Эти слова отчего-то сильно задели меня, но я отнесла все на счет дурного характера куратора, который просто решил уколоть меня в очередной раз.

— Хочу дать совет напоследок, Летта, тебе не мешало бы поработать над реакцией, и не стоит считать, будто я нарочно занижаю твои оценки. А теперь можешь идти, счастливой дороги.

Я кивнула с самым достойным видом, ни на минуту не поверив его заверениям в непредвзятости, вежливо попрощалась и поспешила домой. Необходимо было отобрать самые красивые платья и украшения. Со мной в путь должна была отправиться служанка, а также дальняя пожилая кузина, которой отводилась в этой поездке роль дуэньи. Мама напутствовала вести себя прилично, не уединяться с женихом, не позволять ему лишнего и все тому подобное.

Отец согласился предоставить лучшую карету. Он все еще помнил тот случай с продажей его подарка и не упускал возможности напомнить мне о проступке, но сохранение престижа семьи являлось для Роланда Лавальеро самым главным в жизни, а потому мне полагалось приехать в фамильный замок Эрина в роскошном и удобном экипаже. Когда все наконец было готово, а я отправилась в постель, то еще долго не могла сомкнуть глаз, предвкушая приятное времяпрепровождение с самым чудесным мужчиной в этом мире.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Примечания

Приор — ученое звание ниже магистра.

Эльтарелла — популярный в королевстве Амадин парный танец с прыжками, подскоками, низкими поклонами. Число пар не ограничено. Темп танца ускоряется к концу и обрывается, когда партнер резко поднимает партнершу в воздух, делая оборот вокруг себя.

Печать рода — магическая метка, которая появлялась на теле человека, нарушившего границу частной собственности. Часто на теле воров, забравшихся в чужой дом, могла проявиться подобная печать, которая ярко светила и причиняла носителю боль. По такой метке легко было опознать нарушителя.

Элиты — уничижительное прозвище, данное виерами аристократам. Примерно настолько же оскорбительное, как слово «плебей» для самих виеров.

Кальконэ — дамское нижнее белье, напоминающее очень короткие штанишки с кружевными вставками, рюшами и вышивкой. Носятся исключительно аристократками. Шьются из батиста или шелка.

Чиво — простонародное выражение для характеристики весьма недостойного мужчины, в просторечии «козел».

Наранья — сочный фрукт, при нажатии на который сок брызжет во все стороны. Есть его нужно очень аккуратно, предварительно разрезав на маленькие части специальным ножичком, чтобы не запачкаться.

Антийский шелк — один из самых качественных материалов, используемых для пошива и отделки богатых нарядов. Отличается ярко-красным, почти кровавым оттенком.

Ангард! — сигнал о подготовке к бою.

Алле! — сигнал о начале боя.

Финт — угрожающее движение оружием, вызывающее у противника реагирование защитой.

Батман — удар оружием по клинку противника.

Альт! — команда об остановке боя.

Гарда — круглая металлическая пластинка вокруг ручки, защищающая кисть руки фехтовальщика.

Алькальдэ — чин, близкий по значению к мэру города.

Ильнэйский камень — светло-серый очень прочный камень, который добывается в Ильнэйских горах.